

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

6.3

4 выпуска в год на 16 языках

Индийская демократия в
борьбе с самой собой

Нандини Сундар

Турецкий
тоталитаризм

Джихан Тугаль

Конец лулизма
в Бразилии

Руй Брага

Трудовая политика неолибе-
ральной Аргентины

Родольфо Эльберт

Глубинная история американ-
ских правых

Арли Хохшилд

Университет и социология

- > Расцвет корпоративного университета
в Великобритании
- > Канадские «социологические войны»

In Memoriam

- > Джон Урри, 1946-2016

Специальные колонки

- > Студенческие кампании против сексуальных
домогательств
- > Третий путь «Мондрагона»
- > Перевод «Глобального диалога» на румынский

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 6 / ВЫПУСК 3 / СЕНТЯБРЬ 2016
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГД

> От редактора

Популизм XXI века

В 2011-2014 гг. «Глобальный диалог» с оптимизмом рассказывал о социальных движениях, охвативших мир, – Арабской весне, движениях Оссигу, движении “Indignados” («Возмущённые»), трудовых, студенческих, экологических движениях, о борьбе против выселения крестьян с земли. Оптимизм продержался недолго, так как все эти движения привели в действия механизмы изменений, повлекшие за собой волну реакционно-популистских движений и авторитарных режимов. В данном выпуске представлены доклады об этом всплеске правого толка: анализ тремпизма и Движения чаепития в США от Арли Хохшильд; исследование авторитарного поворота турецкого режима от Джихана Туала; разъяснение причин бразильского государственного переворота от Руйа Браги; анализ неолиберального поворота в Аргентине от Родольфо Эльберта; яркая картина продолжающегося насилия в отношении движения наксалитов в Индии от Нандини Сундар. Мы по-прежнему считаем, что всплеск правых движений можно объяснить, обратившись к модели Карла Поланьи, как реакцию на чрезмерную экспансию рынка. Говоря конкретнее, сегодня власть финансового капитала приводит к глобализации прекарности. Она, в свою очередь, порождает чередование волн мобилизации правых и левых популистских движений, которые объединяет неприятие парламентарной политики.

Мы также видим, как финансиализация работает в наших университетах. В этом выпуске Хью Бейнон анализирует дисфункциональный менеджизм, захвативший британские университеты, пытающиеся в экономическом смысле удержаться на плаву. Исследователь описывает, как система оценки «успеха» научной деятельности порождает посредственность и как зависимость от платы за обучение превращает студентов в потребителей, а университеты – в рекламные агентства, конкурирующие за «удовлетворённость» учащихся. Открытым вопросом остаётся то, является ли корпоративная модель университетов Великобритании примером для всего мира или же умеренность возьмёт верх, как это произошло в Канаде – см. статью Нила Маклафлина и Энтони Паддефетта. Однако и канадской университетской среде пришлось пережить бурю в лице премьер-министра консерватора.

Мы публикуем четыре статьи, посвященные Джону Урри, к несчастью, скоропостижно скончавшемуся в марте этого года. Джон Урри был одним из самых оригинальных и успешных социологов, первопроходцем во многих областях. Он развивал такие темы, как трансформация капитализма и значимость туризма, что положило начало программе исследования социальной и географической мобильности. Его интересовал широкий спектр вопросов – от глобального потепления до расширения экономики секретности (секьюритизации), усугубляющей глобальное неравенство и нарушение прав человека, – этой теме посвящена его недавняя, и очень тревожная, книга “Offshoring” («Оффшорные практики»). Возможно, его лучше всего запомнят как основоположника социологии будущего, дерзнувшего предсказать катастрофы, которые ожидают нашу планету.

Далее, в журнале представлены три статьи: о зарождении в США студенческого движения против сексуальных домогательств; материал в защиту кооператива корпорации «Мондрагон»; и наконец, статья о том, как румынская команда справляется с трудностями перевода. Мы надеемся, что другие команды также напишут о своём опыте перевода социологии с английского на различные национальные языки.

> «Глобальный диалог» доступен на 16 языках на [сайте MCA](#)

> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Нандини Сундар, ведущий индийский социолог, специализирующийся в вопросах политического насилия, автор книги «Пылающий лес» (The Burning Forest), анализирует войну в центральном индийском штате Чхаттисгарх.

Джихан Тугаль, турецкий социолог, автор книги «Революция: поглощение исламского вызова капитализму» (Revolution: Absorbing the Islamic Challenge to Capitalism), предлагает рассмотреть Турцию в качестве модели тоталитаризма XXI века.

Руй Брага, широко известный эксперт по прекарным классам в Бразилии, специалист по расцвету и упадку Партии трудящихся (ПТ), исследует недавний кризис бразильской политики.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Редакционный совет

Редактор: Майкл Буравой

Помощник редактора: Гэй Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:
Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина:
Хуан Игнасьо Пьовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бразилия:
Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Бенно Альвес, Хулио Давьес.

Индия:
Ишвар Моды, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия:
Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибудиин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран:
Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Ниайеш Долати, Митра Данешвар, Вахид Ленджанзаде.

Япония:
Сатоми Ямамото, Ютаро Симокава, Синса Камео, Юки Накано.

Казахстан:
Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мадьярбеков, Алмаш Тлеспеева, Амангелди Курметулы.

Польша:
Якуб Баршевски, Адрианна Дроздовска, Кишиштоф Губаньски, Юстына Косьцинска, Камил Липиньски, Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска-Зайонц, Алам Мюллер, Зофия Пенза, Тереза Тележиньска, Анна Вандзель, Юстына Зелиньска, Яцек Зых.

Румыния:
Косима Ругиниш, Корина Брэгару, Костинел Ануца, Татьяна Кожокари, Андрей Добре, Александра Избэшой, Родика Лисяну, Михай-Богдан Марьян, Анда-Оливия Марин, Рамона Маринаке, Анка Михай, Оана-Элена Негря, Йон Даниэль Попа, Диана Тихан, Елена Тудор, Кристиан Константин Вереш, Кармен Войня, Ирина Замфиреску.

Россия:
Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова, Любовь Чернышова, Анастасия Головнева.

Тайвань:
Чжин-Мао Хо.

Турция:
Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Консультант редактора: Ана Вилларреаль.

> В номере

От редактора. Популизм XXI века	2
> ПРАВЫЕ У ВЛАСТИ	
Демократия в борьбе с самой собой Нандини Сундар, Индия	4
Турецкий тоталитаризм: культурная особенность или законодатель мод? Джихан Туал, Турция	7
Конец лулизма и дворцовый переворот в Бразилии Руй Брага, Бразилия	10
Рабочая политика и возвращение неолиберализма в Аргентине Родольфо Эльберт, Аргентина	13
Американские правые: глубинная история Арли Расселл Хохшильд, США	15

> УНИВЕРСИТЕТ И СОЦИОЛОГИЯ	
Эра корпоративного университета в Великобритании Хью Бейнон, Великобритания	18
Канадские «социологические войны» Нил Маклафлин, Энтони Паддефэтт, Канада	22

> IN MEMORIAM	
Вспоминая Джона Урри Эндрю Сэйер, Великобритания	25
Джон Урри – социолог будущего Скотт Лэш, Великобритания	27
Джон Урри: больше, чем социолог для социологов Боб Джессоп, Великобритания	29
Близость и мобильность: вспоминая Джона Урри Мими Шелмер, США	31

> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ	
Студенческие кампании против сексуального насилия Анна Виду, Тинка Шуберт, Испания	33
Третий путь «Мондрагона»: ответ на статью Шаррин Касмир Игнасио Санта Крус Айо, Эва Алонсо, Испания	35
Перевод «Глобального диалога» на румынский язык Костинел Ануца, Корина Брэгару, Анка Михай, Оана Негря, Йон Даниэль Попа, Диана Тихан, Румыния	37

> Демократия в борьбе с самой собой

Нандини Сундар, Делийская школа экономики, Индия

Сальва Джудум – дружинники, спонсируемые правительством.
Неизвестный индийский фотограф.

Нандини Сундар – известный социолог, специализирующийся в вопросах политического насилия. В течение более четверти века она занималась исследованиями в регионе Бастар, горячей точке в центральном индийском штате Чхаттисгарх. Впервые она побывала там во время проведения исследований для своей диссертации, впоследствии опубликованной под названием «Подчиненные и суверены: антропологическая история Бастара 1854 – 1996» [Subalterns and Sovereigns: An Anthropological History of Bastar 1854-1996 (Oxford University Press, 1997)]. Ее новая долгожданная книга «Пылающий лес: индийская война в Бастаре» [The Burning Forest: India's War in Bastar (Juggernaut Press, 2016)] не только описывает, что на данный момент происходит в зоне военных действий и какое влияние на ситуацию оказывают внешние политические силы. Книга также повествует о ее опыте тяжбы в Верховном суде и о разных фазах длившегося десятилетия и продолжающегося по сей день судебного процесса над участниками самосуда и по поводу выплаты компенсации жертвам, пострадавшим от нарушений прав человека. Хотя вместе с коллегами ей и удалось одержать оглушительную победу в суде в 2011 году, государство попросту игнорировало судебный приговор и продолжило жестокую кампанию по подавлению повстанцев. В книге «Пылающий лес» автор стремится продемонстрировать, как сочетание институциональной неомощности, государственной безнаказанности и общественного терпения оказывает разрушительное влияние на демократию в этой постколониальной стране.

Индийская демократия никого не оставляет равнодушным. Политики, представители элит и средства массовой информации без устали рассыпаются в похвалах в ее адрес. Считается, что среди всех постколониальных стран именно Индия может гордиться всеобщим избирательным правом, федерализмом, подчинением армии гражданскому правлению, и независимой судебной системой. Представители гражданского общества значительно более критичны. По их мнению, демократия в Индии – не более чем фикция. Они обращают внимание на постколониальное наследие страны, в том числе на «чрезвычайные» законы, подобные «Закону о специальных полномочиях вооруженных сил на юго-западе», дававшему армии карт-бланш на убийства по одному лишь подозрению; на частые внесудебные убийства, на распространенные случаи смерти среди заключенных под стражей, на пытки, изнасилования и исчезновения людей; а также на организованные массовые убийства представителей меньшинств, например сикхов (Дели, 1984) и мусульман (Гуджарат, 2002).

Академические тексты на тему индийской демократии сосредоточены в области политологии и в основном посвящены политическим партиям, выборам, институциональным рамкам и режимам развития. В большинстве из них считается стремление занять нейтральную позицию по отношению к происходящему. В своей книге «Пылающий лес: индийская война в Бастаре» я, напротив, стараюсь провести социологический анализ продолжающейся кампании против повстанцев, называемых в правительстве «левыми экстремистами» и пытаюсь понять, какие выводы мы можем в связи с этим сделать о характере индийской демократии.

Текущее наступление Индии на маоистских боевиков, входящих в Коммунистическую (маоистскую) партию Индии – то есть на наксалитов, как их называют в народе – продолжается уже добрый десяток лет. Но в то время как первая фаза движения наксалитов, начавшаяся в конце 1960-х и жестоко подавленная в 1970-е годы, привлекла внимание ученых, литературы про вторую фазу практически не найти. Причина этого заключается, во-первых, в том, что непросто проводить исследования в настолько секьюритизированном поле, которое пытаются контролировать сразу несколько акторов. Во-вторых, что, быть может, еще более важно, нынешняя фаза движения наксалитов охватила коренные народы и касты, включенные в государственные списки, и располагается преимущественно в сельских районах, в отличие от более ранней фазы, включившей в себя, в том числе средний класс и сторонников из числа горожан и студентов. В настоящее время большинство описаний конфликта принадлежат либо журналистам, путешествовавшим с маоистами, либо сотрудникам исследовательских институтов.

Хотя маоистское движение захватило несколько штатов, эпицентр войны располагается в регионе Бастар, густо поросшем лесом и богатым минеральными ресурсами. Основная масса его населения – так называемые адиваси, то есть коренные народы. Бастар занимает территорию 39 114 квадратных километров в центральном индийском штате Чхаттисгарх. Маоисты впервые пришли сюда из соседнего штата Андхра Прадеш с намерением найти убежище от преследований. Вскоре, однако, местное население стало выступать с собственными требованиями. Начиная с 1980х маоистам фактически удалось создать некое подобие параллельного государства, в котором они занимаются

распределением земель и налогообложением, основывают трудовые коллективы, разрешают разнообразные споры и вмешиваются в частную жизнь жителей. Местное население участвовало в создании маоистского государства, адаптируя его функционирование к своим культурным традициям.

К июню 2005 года центральное правительство Индии вместе с властями штата основало аморфную добровольческую организацию Салва Джудум (буквально: «охота во имя очищения») в Южном и Западном Бастаре, назвав ее «народным движением» по борьбе с насилием со стороны наксалитов. Эта кампания опиралась на региональную классовую конфигурацию: переселенческий расизм по отношению к коренному населению играет на руку государственной модернизационной политике, которая вытесняет коренное население с территорий во имя развития горнодобывающей и перерабатывающей промышленности. В Салва Джудум в основном вошли иммигранты, не относящиеся к коренным народам, или же клиента известных политиков из партии Бхаратия Джаната или Партии конгресса, чувствующих, что от маоистов исходит угроза как от основного препятствия на пути к инвестициям в промышленность в регионе.

Между 2005 и 2007 годами бойцы Салва Джудум вместе со спецслужбами занимались поджогом домов, воровством денег, скота и урожая, массовыми изнасилованиями и убийствами местного населения. Маоисты мстили нападениями на силовиков. Около 50 000 жителей были насильно переселены в специальные лагеря для перемещенных лиц, и примерно столько же бежало в леса и в соседние штаты. Те, кто был вынужден бежать или расстаться с родственниками, пережили самый травмирующий опыт своей жизни. И хотя после 2007 года население начало возвращаться в свои дома, нельзя сказать, что в эти края пришли мир и стабильность.

По официальной версии с 2005 по 2016 год в Чхаттисграхе погибло 2468 человек – мирных жителей, представителей спецслужб и маоистов. Реальное число жертв без сомнения выше. Большая часть фатальных случаев пришлось на периоды с 2005 по 2007 и с 2009 по 2011 годы, когда проводилась операция «Зеленая охота», в рамках которой правительство ввело в регион подразделение «Центральные силы вооруженной полиции», а также применило дроны, вертолеты и противоминные танки.

Следуя стандартной процедуре подавления восстания, правительство рекрутировало сдавшихся маоистов для идентификации бывших товарищей, а также местных молодых людей, ошибочно полагавших, что они нанимаются на работу в полицию. Не имея возможности вернуться в родные деревни, эти «полицейские особого назначения» остались жить в полицейских лагерях, хотя обычные представители полиции смотрят на них свысока. Хотя некоторые силовики и рады, что им можно убивать в свое удовольствие, а также за медали и денежное вознаграждение, большинство чувствует себя беспомощными, будучи втянутыми в конфликт такого рода. Политики и высшие эшелоны силовиков проявляют потрясающее равнодушие по отношению к человеческой трагедии по обе стороны баррикад.

Сегодня Бастар остается самой милитаризованной зоной в стране. Лагеря силовиков, огражденные колючей проволокой, встречаются через каждые 5-10 километров. Широко известно, что причины высокой поддержки маоистов

среди местного населения заключаются в эксплуатации, а также недоступности даже базового образования и здравоохранения. Несмотря на это, государственные расходы на содержание силовиков значительно превышают какие-либо вложения в социальную сферу.

Учитывая сходство с другими кампаниями по подавлению повстанцев, не мешало бы задаться вопросом, насколько различаются действия против повстанцев в условиях демократии, военного режима или колониального правительства. Каким образом действуют различные институты и акторы - от политических партий и правозащитных организаций до средств массовой информации и судебной системы?

Парламентская политика имеет крайне опосредованное отношение к войне, так как обе мейнстримные партии в Индии, партия Конгресса и Бхаратия Джаната, занимались провоенной пропагандой. Хотя парламентская локальная Коммунистическая партия совсем не ввязывалась в конфликт, несмотря на жестокие репрессии в свой адрес, большой роли на национальном уровне она не играет. Такие учреждения как Национальная комиссия по правам человека не просто проявляли равнодушие, а активно шли на компромисс с властями. А регулярно проводимые выборы и наличие институтов правовой защиты рассматриваются как форма легитимации государства, вне зависимости от того, являются ли они эффективными или демократическими.

Хотя индийские средства массовой информации являются свободными и очень активными, их интересы в сфере бизнеса и нежелание чрезмерно раздражать власти, а также такие факторы, как удаленность регионов с повстанцами от центра страны и крайне низкое число журналистов, принадлежащих к коренным народностям и низшим кастам, способствуют тому, что массовые нарушения прав человека в зонах повстанческих конфликтов не могут превратиться в новость общенационального значения. За всю историю конфликта были периоды полного его игнорирования в СМИ, так же как и моменты, когда он удостоивался внимания в заголовках газет. Но правительство никогда не было подотчетно публике в этом вопросе. Структурные различия между англо- и хиндиязычными СМИ (вторые функционируют в условиях постоянной необходимости преодоления значительных экономических и политических барьеров) также оказывают влияние на то, каким образом конфликт фигурирует в газетах, журналах и на экранах телевизоров.

Правозащитные организации играют основную роль в раскрытии правительственных злоупотреблений, обеспечивая возможность переговоров с маоистами по поводу заложников и направляя ход дебатов по поводу государственного и партизанского насилия. В то же время, все растущая зависимость городских правозащитников от социальных сетей в Интернете, нередко отвлекает их внимание от важных вопросов на местах. Государственная поддержка борьбы «добровольцев» с повстанцами в штате

Деревенские жители организовали марш протеста против Салва Джудум. Неизвестный индийский фотограф.

Чхаттисгарх сопровождалась принятием антитеррористического закона с открытой редакцией. Арест известного врача и борца за гражданские свободы по этому закону вызвал волну беспокойства в сетях среднего класса, хотя кампания за его освобождение практически никак не отразилась на положении коренных жителей, остававшихся жертвами насилия без всякой надежды на надлежащее судебное разбирательство.

Местные суды систематически доказывают свою несостоятельность, и потому даже простые жители нередко оказываются за решеткой, а тюрьмы переполнены. Однако Верховный суд играет важную роль в вопросе признания нарушений прав человека в регионе Бастар. Тем не менее, бесконечные задержки и отсрочки, а также способность государства просто игнорировать решения Суда, привели к тому, что судебные решения не транслируются в справедливость на местах. Несмотря на четкое предписание, вынесенное штату Чхаттисгарх в 2011 году, о роспуске добровольческих организаций подобных Салва Джудум, о приостановлении рекрутирования местного населения для участия в противоповстанческих операциях, а также о наказании виновных в превышении полномочий, штат продолжил свою деятельность, как ни в чем не бывало.

С тех пор как в 2014 году к власти пришел режим Моды, некоторые элементы организации Салва Джудум смогли возродиться. С точки зрения партии Бхаратия Джаната спонсируемые государством добровольческие отряды - нормальная часть политической жизни страны. Тем не менее, граждане продолжают верить и бороться за демократический проект, даже если на самом деле существующая демократия оставляет желать лучшего. ■

Корреспонденцию присылайте Нандини Сундар на адрес nandinisundar@yahoo.com

> Турецкий тоталитаризм: культурная особенность или законодатель мод?

Джихан Туал, Калифорнийский университет, Беркли, США

Достигнутое с трудом в 2013 г. прекращение огня между турецкими властями и Рабочей партией Курдистана (РПК) было нарушено Анкарой летом 2015 г.

Резкий поворот к тоталитаризму в Турции удивляет многих наблюдателей: еще не так давно страна удостоивалась высочайших похвал как образец либерализма, резко отличающийся от своих соседей по турбулентному региону. Аналитики бьются над вопросом, почему же так произошло, и пытаются отыскать ответы в личности президента Эрдогана или неких особенностях турецкой культуры.

Но даже анализ либерального успеха подсказывает нам некоторые отгадки (и служит предостережением демократическому Западу). «Либеральная демократия» совсем недавно считалась величайшим достижением человечества. Но если «либерализм» подразумевает верховенство частной собственности и свободы, которые в наше время идут рука об руку с неолиберализацией (приватизацией собственности, реструктуризацией социального государства с пропагандой индивидуальной ответственности и самодостаточности, а также с финансиализацией), то случай Турции лишь демонстрирует, что либерализация и демократизация могут сочетаться лишь в течение ограниченного времени и зависеть от таких факторов как репрессивная и адаптивная сила государства, а также структура гражданских и политических возможностей.

Недавние события в Турции могут служить предостережением всему миру. Некогда интеллектуалы полагали, что менее развитые страны рано или поздно пойдут по пути развития передовых капиталистических держав. После коллапса 1930х, однако, многие озвучивали мнение, что, напротив, следует говорить об обратном: европейцы в одночасье пережили то, что во время колонизации являлось обычными реалиями для местного населения. Массовое расширение прав и возможностей населения и личная собственность/свобода подорвали друг друга в критический поворотный исторический момент (межвоенные годы).

> Обманчивый либеральный рай

Еще недавно Турция по праву считалась самой светской и демократической страной на Ближнем Востоке. Ее обманчивая исключительность была основана на демократизации «кемалистского» пакета, предпринятой консервативными партиями. Начиная с 1950-х годов несколько правоцентристских партий одна за другой занимались либерализацией националистического корпоративистского светского режима, построенного Мустафой Кемалем в первой половине двадцатого

>>

века. В 2000-е годы новая политическая организация, «Партия справедливости и развития», продолжила популяризацию правоцентристской повестки дня, сочетая консервативные и исламистские традиции страны. Этот сдвиг вызвал всплеск народного и интеллектуального энтузиазма по поводу неолиберальных реформ, которые в 1970-х вызвали либо апатию, либо прямое противостояние по всему региону.

Тем не менее, у этой сияющей истории успеха была и темная сторона. Мейнстримный нарратив, в соответствии с которым либерализация Турции в 2000-х годах рассматривается как «эталон», не учитывает подавление групп, посмеявшихся бросить вызов правительству: алевитов, бастующих рабочих, экологов, левых, а иногда и курдов. И Запад, и турецкие либералы решили не обращать внимания на религиозную и культурную программу «Партии справедливости и развития», считая репрессии лишь небольшой платой за достижения партии: высокие темпы роста и усмирение некогда доминирующих военных-кемалистов. Разрушение окружающей среды, рост смертности на рабочих местах, низкая заработная плата, деполитизация, угасание профсоюзов, повышение суннитского сектантства, патриархальное насилие, городское выселение и джентрификация, вызванные этими достижениями (или по крайней мере, сопровождавшие их) не получало должного внимания.

В течение первых двух сроков правления «Партии справедливости и развития» политическая и экономическая либерализация способствовали росту народного недовольства, а также созданию каналов его выражения. Летом 2013 года движения по защите окружающей и городской среды, чья активность нарастала в течение последних лет, наконец, вырвались за границы локального активизма. Когда к ним присоединились спонтанно мобилизовавшиеся члены женского, светского и алевитского движений, начались самые массовые городские волнения в истории Турции – движение за защиту парка Гези в Стамбуле. Однако, несмотря на участие миллионов граждан в протестах, активистам не удалось создать общую политическую платформу. Лидеры рабочего и курдского движений предоставили лишь ограниченную поддержку протестующим. При этом основные левые группы в лучшем случае вполсилы подталкивали недовольство в более политическое русло. В последующие годы все три силы заплатили немалую цену за свою нерешительность, сумбурность и инертность.

В 2013 году, недовольные исламистским и авторитарным креном правительства, многие либералы встали на сторону протестующих и постарались направить события в либеральную сторону, но безуспешно. Повестку дня не удалось вывести за пределы изначальной цели протеста, а именно спасения центрального турецкого городского парка Гези от разрушения.

> Мутация либерализма в тоталитаризм

Несмотря на раздробленный характер акций протеста, правительство стало активно развивать версию заговора, приняв решение жестоко подавить недовольство. Впоследствии правящая партия не только стала более авторитарной, но и более тоталитарной, мобилизовав свою базу против оппозиционных голосов.

Почему произошла такая трансформация? Либерализм приумножает точки социальной напряженности, а не сдерживает их – в отличие от тенденций корпоративизма. Структурно сильные политики могут сдерживать, поглощать и подавлять напряженность, не разрушая либерализм; более слабые государства, напротив, менее приспособлены к тому, чтобы иметь дело с взрывами напряженности в границах либера-

лизма. В ситуации столкновения режимов с сильной оппозицией ни установившиеся институты, ни репрессии порой не оказываются достаточными, чтобы контролировать движения протеста. В таких ситуациях элиты могут прибегать к контрмобилизации, закладывая основу для тоталитаризма, сопровождаемого не только призывами к действию со стороны элиты, но и наличием политических и гражданских групп, готовы отозваться на призыв.

Группы и целые сети подобного рода были в распоряжении Партии справедливости и развития, так как история партии корнями уходит в исламистскую мобилизацию 1960-х – 1990-х. После 2013 года, отвечая на то, что воспринималось как интенсификация угроз, турецкий режим постепенно переключался из «мягкого тоталитаризма» в «жесткий тоталитаризм», надвигаясь сначала на алевитов, затем на бастующих рабочих, экологов, социалистов, а потом и на либералов.

Как ни странно, целью самой сильной с 2013 года зачистки стала «Хизмет», либеральная исламская группа последователей Фетхуллы Гюлена – клирика, тесно связанного с американскими лоббистскими группами и другими западными организациями. «Хизмет» сама по себе превратилась в один из ведущих акторов несколько более мягкой версии тоталитаризма. Группировка внедрялась в одну институцию вслед за другой, без лишнего шума вытесняя старых лидеров из числа алевитов и левых. Процесс проходил предельно тихо, в отличие от нынешних шумных и окруженных скандалом церемониальных изгнаний. Между старыми исламскими кадрами и гюленистами развернулась борьба за передел власти, которая, правда, не вышла из-под контроля, пока Эрдоган не испортил отношения с Израилем. Прозападный Гюлен всегда с подозрением относился к антиизраильской риторике Эрдогана. Но все резко поменялось, как только турецкая благотворительная организация при поддержке Эрдогана попыталась прорвать блокаду Сектора Газа. Тогда Гюлен дал интервью изданию Washington Post, объявив деятельность благотворителей антиисламской, так как она бросала вызов власти. После этого два компонента «первого» режима «Партии справедливости и развития» постепенно раскололись, что не прошло безболезненно для режима, не имеющего доступа к высококвалифицированным кадрам для разнообразных учреждений. И потому режим решил спастись при помощи нагнетания фанатизма и призывам к массовой мобилизации.

Общенациональный толчок к тоталитаризму был одобрен сопутствующей региональной динамикой – Арабская весна подарила надежду некогда спокойным исламистским кругам. За исключением малых групп справа и радикалов слева, турецкие исламисты всегда мечтали о восстановлении Османской империи. Лидеры Партии справедливости и развития несколько снизили градус своей воинственности как из политического прагматизма, так и из надежды получить доступ к новым экономическим и политическим ресурсам. Но между 2011 и 2013 годом ранее сдерживаемые имперские амбиции вырвались на волю и совершенно вышли из-под контроля.

Сторонники «Партии справедливости и развития» на Западе и из числа либералов надеялись на то, что ее давние имперские амбиции можно институционализировать при помощи стратегии «мягкой силы». На эту возможность указывали две доктрины – «нулевых проблем с соседями» и «стратегической глубины», автором которых является Ахмет Давутоглу, академик, министр иностранных дел и на тот момент премьер-министр Турции. Поначалу казалось, что Арабская весна лишь поможет продвижению повестки Давутоглу, но в 2016 году и он пал жертвой зачистки... Почему? Лежит ли причина в лич-

Несостоявшийся военный переворот 16 июля 2016 г. в Турции сыграл на руку Эрдогану, что привело к усилению авторитаризма.

ности Эрдогана? Нет, дело, видимо, не в этом. Если бы режиму удалось извлечь необходимую выгоду из Арабской весны, как ему того хотелось, то вовсе не пришлось бы отказываться от применения мягкой силы. Как и во многих других растущих капиталистических державах, союз бизнеса и правительства в Турции стремится к расширению присутствия на мировом рынке. Но из-за рабочих волнений, политической фрагментации, а в конце концов и гражданской войны и военной интервенции, Египет, Ливия и Сирия – самые привлекательные точки для турецких капиталистов – растеряли свой бизнес-шарм.

Такая непростая ситуация с геополитической и социально-экономической точки зрения вместе со сжатием мирового рынка, стало ограничивать бизнес-экспансию Турции. Режим теперь имел доступ к намного меньшим средствам, которые он мог бы перераспределять среди своих сторонников из низов. Это создало новые проблемы как для развивающегося исламского бизнес-класса, так и для его социальных программ, которые обеспечивали поддержку со стороны бедного городского населения. В условиях снижения доступности экономических инструментов режим переориентировался на исламское направление.

В Сирии изначальные турецкие экономически рациональные попытки сместить Асада и открыть дорогу более бизнес-ориентированному исламистскому правительству были подавлены сектантским стремлением к созданию суннитского государства любой ценой. Турецкая опрометчивость способствовала созданию ИГИЛ (организации, запрещенной в России), так как она изначально казалась неплохим противовесом для курдов, но впоследствии разрушила стабильность, туризм и какие-либо бизнес-перспективы даже в западной и южной Турции. Более того, предполагаемое сотрудничество джихадистов, борющихся с Асадом, и единственной исламской демократии на Ближнем Востоке, лишь усилило западные нарративы о несочетаемости ислама с демократией.

Последствия этих изменений поистине глобальны. Авантюризм турецких властей уничтожил Сирию, привел к исторически беспрецедентной волне иммиграции в Европу, а потом и к величайшей волне правой мобилизации в Европе со времен Второй мировой. Вызванный частично страхами перед воинственным исламизмом, рост правых настроений в Европе послал Турции четкий сигнал: полное членство в ЕС более не является возможным. В принципе, это было понятно уже после 2006 года, но осознание этого факта не оказало ради-

кального влияния на повестку партии до 2010-х, когда потеря веры в присоединение к ЕС совпало с иными факторами, помешавшими либерализации. А когда арабы поднялись и потребовали свободы (чем турецкие элиты надеялись воспользоваться в целях развития бизнеса), турецкие исламисты и вовсе потеряли свой давний интерес в задабривании Европы.

> Кто еще мог бы пойти по турецкой тропе

Несмотря на то, что часть вышеописанной динамики свойственна лишь Турции, в целом структуры, подрывающие либерализм по всему миру, могут создать больше случаев, ей подобных – тем более, что многие процессы, описанные выше, подразумевают взаимодействие между регионами и странами (как и внутри них), а также сочетание национальных и глобальных процессов. Важнее всего то, что резкий всемирный поворот вправо в исламских кругах не только дал сигнал существенному росту правительственной секьюритизации на Западе, но и способствовал мобилизации правых. Помимо прочего, у этого порочного круга есть и другие основательные глобальные структурные причины.

Два крупных цикла либерализации на Западе начались именно на мировом уровне. В оба периода дезинтеграция была (и остается) глобальной, как и локальной. После 1920х сворачивание классического либерализма привело к реформам либерализма в США и Западной Европе и к созданию репрессивных государств и массового тоталитаризма на Востоке. После истощения социальных возможностей и повышения секьюритизации по всему миру укорененный либерализм кажется все менее реалистичной опцией в свете надвигающегося глобального коллапса.

Если интеллектуалам, политикам и активистам не удастся создать жизнеспособную альтернативу для всего мира, то массовая мобилизация приведет к созданию большего числа сильных тоталитарных государств в грядущие годы, даже на Западе. Опыт Турции – это предостережение для всех нас: неудавшиеся революции создают еще более ужасающие режимы. Если в современном контексте жесткая повестка и политическая организация не кристаллизуют новые версии движений Гези, Оккупай и Индигнадос, то нам всем, быть может, придется заплатить чересчур высокую цену за наше бездействие. ■

Корреспонденцию присылайте Джихану Туалу на адрес ctugal@berkeley.edu

> Конец лулизма и дворцовый переворот в Бразилии

Руй Брага, Университет Сан-Паулу, Бразилия, член ИК МСА по рабочим движениям (RC44)

Парламентский заговор в Бразилии: нижняя палата проголосовала за импичмент президента Русеф.

Аналитические работы, посвященные современному политическому и экономическому кризису в Бразилии, в основном концентрируют внимание на «ошибках» экономической политики государства, которые президент Дилма Русеф, член Партии трудящихся (ПТ) унаследовала от своего предшественника Луиса Инасиу Лулы да Сильвы. Действительно, некоторые меры федеральной политики ужесточили динамику бразильского конфликта распределения благ. Однако фокусирование лишь на политическом урегулировании – слишком узкий подход для того, чтобы объяснить многосторонность нынешнего кризиса. Такие объяснения часто обходят стороной изменения в классовой структуре, проявившиеся в годы правления Лулы (2002-2010), и игнорируют влияние международного экономического кризиса. В самом деле, такой анализ не может разъяснить, каким образом соотношение между политическим урегулированием

и экономическим накоплением не только не смогло разрешить, но и обострило межклассовые конфликты.

> Циклы забастовок

В мире труда коллапс всякого перемирия между подчиненным и доминирующим классами часто происходит в форме забастовочного движения. Согласно последним данным Системы мониторинга забастовок Межсоюзного отдела статистики и социоэкономических исследований (SAG-DIEESE), в 2013 г. бразильские трудящиеся организовали исторически беспрецедентную волну забастовок. За год произошло в общей сумме 2050 стачек, что на 134% больше по сравнению с предыдущим годом и является историческим рекордом. Таким образом, устойчивое снижение числа забастовок в стране, наблюдавшееся последние два десятилетия, было обращено вспять, а профсоюзы вернули себе по крайней мере часть преж-

ней политической силы. В крупных городах Бразилии стачки банковских работников стали рутинным делом. Профсоюзы учителей, госслужащих, металлургов, строителей, водителей автобусов и поездов, кондукторов также усилили активность в период с 2013 по 2015 год. Подобным же образом с 2012 года значительно участились забастовки среди работников частного сектора.

В 2013 году доля забастовок в частном секторе составила 54% от общего числа стачек. Здесь особенно важно отметить взрыв профсоюзной активности в сфере обслуживания, где задействованы неквалифицированные или малоквалифицированные работники: многие из них привлекаются со стороны, не получают достаточной оплаты за свой труд, работают в условиях ненадежных контрактов и лишены доступа к основным трудовым правам. Помимо банковских работников, участвовавших в восьми общенациональных стачках, особенно активно защищали свои права работники таких отраслей, как туристический сервис, частное здравоохранение, службы безопасности, сферы образования и коммуникаций, а также работники транспорта и профессиональные уборщики.

В общем, профсоюзная активность распространилась за пределы тех категорий трудящихся, которые обычно считаются ключевыми, когда идет речь о профсоюзной борьбе. Забастовки происходили даже в государственном секторе занятости, среди муниципальных служащих: это одна из самых уязвимых категорий работников государственной администрации. Как в частном, так и в государственном секторе забастовочная активность распространялась «от центра к периферии» профсоюзного движения, что подразумевало усиленное вовлечение городского прекариата.

Принимая во внимание масштабы забастовочной волны, можно можно

предложить следующее – еще далеко не признанное – объяснение существующего политического кризиса: правящим классам просто не нужна профсоюзная бюрократия, неспособная контролировать рядовых работников. Если иметь в виду это обстоятельство, то стоит признать, что единственный надёжный проект правящего класса – возобновление капиталистического накопления и усиление социального отчуждения, сопровождающееся нарушением прав трудящихся.

Нынешний цикл забастовок и экономические проблемы бразильских субалтерных классов, ведущих прекарный образ жизни, выявляют ограничения и неясности, присущие лулистскому проекту. Чтобы понять заложенные в нём противоречия, необходимо проанализировать последствия прекарной гегемонии ПТ, стоявшей у власти в течение последних тринадцати лет.

> Прекарная гегемония

Как режим регулирования межклассового конфликта, лулизм представляет собой гегемонные социальные отношения, основанные на двух разных, но дополняющих друг друга формах информированного согласия. Их взаимодействие привело к относительно социальному перемирию в стране, которое длилось десятилетие. Субалтерные классы Бразилии дали пассивное согласие на государственный проект, возглавляемый профсоюзной бюрократией, что гарантировало скромные, но очевидные выгоды для работников в период экономического роста.

Полудеревенский субпролетариат оказался в выигрыше от введения программы Bolsa Família («Семейный фонд»), поднявшись из крайней нищеты до официальной черты бедности. Городской прекариат также не устоял перед повышением минимальной оплаты труда, обгоняющим инфляцию, а также обрадовался формализации рынка труда и созданию новых рабочих мест. Работникам, состоявшим в профсоюзах, принёс пользу бум на рынке труда, поскольку – в результате коллективных переговоров они получили прибавки к зарплате и новые бонусы.¹

Как минимум до президентских выборов 2014 г. политика ПТ сочетала меры по перераспределению благ, созданию официальных рабочих мест и обеспечению массового доступа к

кредитам, что повлекло за собой некоторую децентрализацию распределения национальной прибыли. В стране, известной своим социальным неравенством, этот небольшой шаг был достаточным для получения твёрдого согласия субалтерных классов на политику лулизма.

В то же время правительству ПТ удавалось соответствовать одновременно интересам бюрократов, лидеров общественных движений и интеллектуального среднего класса, что создало базу для *активного согласия* на лулизм, со стороны государственного аппарата и примыкающих к нему социальных слоев. Тысячи членов профсоюзов стали выполнять функции парламентских советников, получили позиции в министерствах и государственных учреждениях. Некоторые профсоюзные бюрократы заняли стратегические места в советах директоров крупных пенсионных фондов – инвестиционных фондов, управляемых государством. Члены и сторонники ПТ также были назначены на управляющие позиции трёх главных бразильских банков: Национального банка развития (BNDES), Банка Бразилии и банка «Кайша Экономика Федераль».

Таким образом, лулистский тред-юнионизм не только стал активно управлять буржуазным государством, но и превратился в ключевого актора, направляющего капиталистические инвестиции внутри страны. Так как политико-административная власть не предполагает частное владение капиталом, привилегированные позиции профсоюзной бюрократии зависят от контроля над политическим аппаратом. И чтобы контроль был возможен, внутри государственного аппарата должны быть удовлетворены интересы как его исторических союзников – среднеуровневой бюрократии и мелкой интеллектуальной буржуазии, так и исторических врагов – недружественных бюрократических слоёв и отдельных групп с корпоративистскими интересами.

Данная стратегия была осложнена тем, что правительство ПТ проводило выборы по антидемократическим правилам, включая попытку первого правительства Лулы напрямую купить поддержку Парламента. Однако к 2014 году лулистская гегемония добилась заметного успеха в достижении как *пассивного согласия* масс, так и *активного согласия* лидеров профсоюзных и общественных движений.

> Противоречия лулизма

Тем не менее, социальные противоречия стали очевидными уже в период экономического роста 2003–2014 гг., предшествующего нынешнему кризису. Несмотря на впечатляющий рост официального наёмного труда, около 94% рабочих мест, созданных за первую декаду правления ПТ, оплачивались в размере лишь 1,5 МРОТ (около 250 американских долларов в месяц) или ниже. К 2014 году, когда экономический рост замедлился, к этой категории принадлежали уже 97,5% рабочих мест: в основном их занимали женщины, молодёжь и темнокожие – то есть, те категории работников, которые традиционно зарабатывают меньше и подвергаются большей дискриминации.

Одновременно с каждым годом возрастало число несчастных случаев на производстве и росла текучесть кадров, и обе этих тенденции свидетельствовали о резком ухудшении условий труда. Усугубляющийся экономический кризис и переход к политике жёсткой экономии при втором правительстве Дилмы Русеф (назначенном в 2014 г.) усилили эти регрессивные тенденции, что побудило членов профсоюзов к участию в стачках.

Поддержка прекарного пролетариата, хотя и слабеющая, обеспечила Дилме Русеф победу во втором туре президентских выборов 2014 г. Однако ее сторонники рассчитывали на то, что правительство ПТ продолжит обеспечивать официальное (пусть и низкокачественное и низкооплачиваемое) трудоустройство. На самом деле циклический спад экономики, вызванный урезанием федеральных расходов, привёл к росту безработицы среди городского прекариата и организованного рабочего класса: согласно последним исследованиям, уровень безработицы в Бразилии поднялся с 7,9% до 10,2% за последние 12 месяцев.

С другой стороны, традиционный средний класс стал склоняться к выраженной правой позициям в экономике и политике. Правый уклон захватил также сторонников ПТ и главную федерацию профсоюзов CUT, по крайней мере такая расстановка сил сохранялась вплоть до коррупционного скандала на выборах 2005 г., известного как «Менсалау». Нетрудно понять, почему это произошло. Процесс формализации трудоустройства

>>

домашнего обслуживающего персонала привёл к повышению зарплат горничных, а оживлённый рынок труда взметнул цены всех услуг на более высокий уровень – что, в свою очередь, немедленно сказалось на стиле жизни средних классов. При этом рост массового потребления в сочетании с повышенными зарплатами для бедных бразильских домохозяйств означал, что рабочие «вторгаются» в пространство, традиционно зарезервированное для средних классов, например, торговые центры и аэропорты.

Наконец, обеспечение детей рабочих большим количеством мест в частных университетах с низкокачественным образованием привело к ужесточению конкуренции за рабочие места, прежде доступные лишь детям из семей среднего класса. Когда получил огласку скандал «Петролау», связанный с откатами и отмыванием денег в государственной компании Petrobras, недовольство рабочего класса вылилось в огромную волну протеста, движимую реакционной политической программой.

Таким образом, потеря правительством Русеф поддержки Конгресса – лишь самое очевидное проявление кризиса, а корни его заложены в самой социальной структуре страны, погрязшей в глубокой рецессии. Бразильская модель развития, основанная на создании прекарных рабочих мест и децентрализации распределения доходов, перестала гарантировать прибыль для корпораций и уж тем более не могла вызвать одобрение у субалтерных классов.

> Дворцовый переворот

Перед лицом усугубляющегося международного кризиса основные представители бразильского бизнеса во главе с частными банками начали требовать, чтобы федеральное правительство ввело жесткие меры экономии. Меры, призванные затруднить урегулирование экономического спада, поднять уровень безработицы и сдержать существующий цикл забастовок, для крупных компаний являлись, по всей видимости, необходимым шагом, предваряющим серию непопулярных реформ, таких как урезание социальных выплат и прав трудящихся.

Этот проект был подготовлен на заседании нынешнего правительства ПТ. Бюджетные корректировки, вступившие в силу в начале второго срока

Бывший президент Лула и привлечённая к ответственности в порядке импичмента президент Русеф, лидеры Партии трудящихся, правившей Бразилией в течение тринадцати лет.

Русеф, обманули ожидания 53 миллионов голосовавших, не устоявших перед предвыборными обещаниями президента сохранить рабочие места, социальные программы и соблюдать трудовые права. Возникшая в связи этим непопулярность второго правительства Русеф затем подпитывалась недовольством среднего класса по поводу сокращения неравенства между социальными классами. Полицейское расследование коррупционного скандала в компании Petrobras, известное как «операция Автомойка», выявило вовлеченность руководства Партии. Возмущённые этим бразильцы вышли на улицы с требованием свергнуть правительство.

Мобилизация граждан побудила политические партии, проигравшие в 2014 году, начать процесс подготовки импичмента. Интенсифицировались переговоры между Бразильской социал-демократической партией (БСДП) и Партией бразильского демократического движения (ПБДМ). Две партии сошлись на принятии политического манифеста ПБДМ «Мост в будущее», что, в сущности, является обещанием обеспечить выплату государственного долга банкам за счёт сокращения бюджетных расходов на образование, здравоохранение и социальные программы.

Весьма показательно, что весьма показательно, что консервативные политические силы пошли на свержение бразильского правительства не из-за политики Русеф в отношении населения страны в целом, а из-за

того, что она не смогла дать предпринимателям. Они надеялись на ещё более радикальные бюджетные корректировки, которые бы потребовали изменения Конституции, реформы социального страхования и отмены ключевых законов об охране труда. С другой стороны, профсоюзы, по большей части контролируемые ПТ, всё ещё вовлечены в цикл забастовок исторического масштаба.

Итак, в настоящее время Бразилия находится в тупике. Дворцовый переворот столкнулся с мощным народным сопротивлением, обещающим только усилиться. В то же время регрессивные меры, принятые нелегитимным правительством, были одобрены Конгрессом. Кажется, неизбежен период беспрецедентной социальной борьбы. ■

Корреспонденцию присылайте Рую Браге на адрес ruy.braga@uol.com.br

¹ О деятельности этих трёх фракций бразильских субалтерных классов в течение последнего десятилетия см.: André Singer, *Os sentidos do lulismo: reforma gradual e pacto conservador* (São Paulo, Companhia das Letras, 2012); Ruy Braga, *A política do precariado: do populismo à hegemonia lulista* (São Paulo: Boitempo, 2012); and Roberto Vêras de Oliveira, Maria Aparecida Bridi and Marcos Ferraz, *O sindicalismo na Era Lula: paradoxos, perspectivas e olhares* (Belo Horizonte, Fino Traço, 2014).

> Рабочая политика

и возвращение неолиберализма в Аргентине

Родольфо Эльберт, CONICET, Университет Буэнос-Айреса, Аргентина, член ИК МСА по рабочему движению

Рабочие протестуют против сокращений на промышленных предприятиях на севере Большого Буэнос-Айреса. Фото Себастьяна Линероса.

Маурицио Макри был избран 22 ноября 2015 года на пост президента Аргентины на срок с 2015 по 2019 год. Макри одержал победу над оппонентом, перонистом Даниэлем Сколи, с перевесом лишь в три процента. Итак, закончилось киршнеристское¹ десятилетие 2003-2015 гг., период повышенного вмешательства государства в экономику и ограниченного перераспределения доходов. Теперь Аргентину возглавляет правый центрист, транслирующий антикоррупционный дискурс.

Объяснения данного триумфа в основном сосредоточены в области аргументов об антипопулистской мобилизации городского среднего класса и стагнации в аргентинской экономике. Тем не менее, любая попытка объяснения поражения режима киршнеристов должна включать в себя объяснение меняющейся политики промышленных рабочих. Корни кризиса режима заключаются в парадоксальной комбинации прогрессивного перераспределения доходов и устойчивой фрагментации рабочего класса. Посредством альянса с киршнеристами устоявшаяся профсоюзная бюрократия помогла построить фрагментированное индустриальное гражданство, в то время как низовые профсоюзы левой направленности мобилизовали противостояние устойчивому неравенству. Как только стагнирующая экономика разрушила базу умеренных правительственных программ по редистрибуции богатств, социальная фрагментация, сопутствующая, по выражению Рюа

Браги, «прекарной гегемонии», внесла свою лепту в электоральное поражение киршнеристов. Сопротивление надвигающейся неолиберальной атаке должно задействовать те же низовые профсоюзы, что боролись с экономической нестабильностью в период правления киршнеристов.

В конце 2000-х, когда весь мир приходил в себя после финансового кризиса 2008 года, Аргентина испытала иной вид перерождения: наблюдался подъем нового «низового синдикализма», то есть низового демократического профсоюзного движения, которое сопровождалось поразительным возрождением рабочей политики, после того, как экономический кризис 2001–2002 годов, казалось бы, полностью уничтожил мощное профсоюзное движение этой страны. В обнищавшем пригородном квартале северного Буэнос-Айреса, известном как Лос-Тилос, соседское сообщество организовало захват земель, требуя улучшения инфраструктуры, жилищных условий и экологической ответственности промышленных предприятий. Несмотря на близость района к промзоне, большинство его жителей были безработными или занятыми в так называемой «неформальной экономике».

На удивление, протесты 2010 года в районе Лос-Тилос получили поддержку профсоюзов, представляющих рабочих формальной экономики, в основном занятых на близлежащих предприятиях. В процессе возрождения рабочей политики протесты на севере Буэнос-Айреса нередко воз-

главлялись демократическими низовыми профсоюзами. Но даже тогда во главе большинства аргентинских профсоюзов стояли традиционные бюрократические лидеры, сторонники киршнеристского правительства, пришедшего к власти в 2003 году. В целом эти бюрократические профсоюзы проводили стратегию исключительности и изоляционизма. Они редко проявляли солидарность с городской беднотой, живущей в тяжелых условиях. Они также часто сквозь пальцы смотрели на то, как работодатели нанимают уязвимых работников на прекарных условиях, лишь бы основной кадровый состав получал высокие зарплаты

Но низовое трудовое движение, возникшее в конце 2000х, было иным: левые профсоюзы стремились объединить борьбу прекарных и не прекарных работников в рамках одного рабочего места, уничтожить прекарные контракты как класс и наделить всех работников равными правами.

Что же скрывается за этим удивительным новым подъемом рабочего движений? Как это ни парадоксально, пост-неолиберальная политическая экономия Аргентины способствовала созданию необычно фрагментированного индустриального гражданства, поддержанного бюрократическими профсоюзами. После катастрофического экономического и социального кризиса 2001-2002 гг., экономика Аргентины начала расти по мере роста цен на ее основные экспортные товары. В условиях быстрого роста, правительство перонистов смогло поднять налоги на экспорт сельскохозяйственной продукции, стимулировать создание новых рабочих мест за счет расширения внутреннего рынка, а также поддержать решения по коллективным трудовым спорам, касавшимся основных профсоюзов.

Тем не менее, у дистрибутивной политики также есть свои ограничения. Экономический рост сопровождался концентрацией капитала, увеличением нормы прибыли крупных национальных и транснациональных корпораций. Рабочие, с другой стороны, все чаще сталкивались с высоким уровнем неформализации и прекарными условиями труда. По данным социально-экономической статистики для Латинской Америки и Карибского бассейна (<http://sedlac.econo.unlp.edu.ar>), к 2010 году 45,5 процентов активной рабочей силы Аргентины составляли неформально занятые работники. Этот показатель ниже, чем на пике экономического кризиса за десять лет до этого, но он демонстрирует высокую степень уязвимости работников в плане доходов и занятости для малообеспеченных семей.

В 2010 году правительство Кристины де Киршнер все еще пыталось найти выход из неолиберального коллапса Аргентины, сочетая ограниченную редистрибуцию богатства и устойчивую фрагментацию рабочего класса. Но уже через несколько лет аргентинская экономика начала в полной мере испытывать на себе последствия глобального финансового кризиса. Мировые цены на сырье резко упали, и правительству стало не так-то просто поддерживать свои редистрибуционные программы. В 2011 году перонистская политическая элита вышла из альянса с одним из сегментов бюрократических профсоюзов, отказавшись смириться с политическими амбициями государственного секретаря Всеобщей конфедерации труда

(CGT). Экономическая и политическая коалиция, рожденная в условиях кризиса в предыдущее десятилетие, начала распадаться.

К 2014 году обесценивание аргентинского песо и инфляционное давление способствовали бесспорному росту бедности и снижению реальных зарплат. Прекарная правительственная гегемония начала разваливаться, и кандидат-перонист Даниэль Сциоли проиграл выборы 2015 году правому кандидату Маурицио Макри.

В течение первого полугодия нахождения у власти Макри демонстрировал подход, который легче всего описать как попытку аргентинского возврата к неолиберализму. Правительство провело несколько прорыночных реформ, в том числе сокращение штата государственных учреждений и снижение субсидий в области коммунальных услуг, например, на электроэнергию и водоснабжение. Девальвация песо привела к тому, что большинство зарплат не смогли идти в ногу с инфляцией на большинство потребительских товаров, что как и в 2014 году привело к резкому увеличению масштабов нищеты. Наряду с проведением новых агрессивных мер по борьбе с рабочим движением, правительство резко снизило налоги на экспорт сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых. С тех пор прошел один общенациональный протест против увольнений 29 апреля, но никаких других действий национального масштаба не было предпринято.

Несмотря на это, вопреки антирабочей направленности правительства, лидеры движения, кажется, более озабочены сохранением институциональной власти возглавляемых ими профсоюзов, а также избеганием личных обвинений в коррупции, чем защитой трудовых прав.

Что станет с зарождающимся движением низовых профсоюзов, столкнувшимся с неформальностью и прекарностью киршнеристского периода? Возможно ли, что в ближайшем будущем более крупные сегменты рабочего класса поддержат стратегию солидарности с неформальными и прекарными рабочими? Слишком рано делать выводы, но анализ недавнего прошлого может дать ключ к разгадке. В конце 2000-х годов даже при деградировавших условиях труда и засилье бюрократических профсоюзов некоторым из низовых профсоюзов Аргентины удалось вступить в успешное партнерство с различными фракциями рабочего класса. Хотя попытки расширения солидарности до общенационального уровня столкнулись с большими трудностями, все же кажется очевидным, что способность рабочего движения противостоять возрождению неолиберализма будет зависеть именно от такого рода стратегий. В противном случае мы увидим лидеров рабочего движения, согласно кивающих головой в адрес новых рыночных реформ – за что всей стране придется заплатить дальнейшим снижением уровня жизни рабочих. ■

Корреспонденцию присылайте Родольфо Эльберту на адрес elbert.rodolfo@gmail.com

¹ Нестор Киршнер – президент Аргентины в 2003-2007 гг.; Кристина де Киршнер – президент Аргентины 2007-2015 гг. Оба – лидеры перонистской Хустисиалистской партии (прим.пер.)

> Американские правые: глубинная история

Арли Расселл Хохшилд, Калифорнийский университет, Беркли, США

Дональд Трамп во время предвыборной кампании.

Как и в большей части Европы, в Индии, Китае и России, в Америке на сцену вышло правое крыло. Культурный сдвиг влево – темнокожий президент, женщина-кандидат в президенты, однополые браки – в некотором роде замаскировал возвышение правых. Тем не менее, оно происходит. В последние десятилетия стали громче консервативные голоса: самый популярный канал кабельного телевидения и самое популярное ток-шоу на радио имеют сильный правый уклон. Обе палаты Федерального конгресса в Вашингтоне находятся в руках республиканской партии. Республиканцы контролируют законодательные и исполнительные органы в гораздо большем числе штатов, чем демократы. В 23 из 50 штатов Америки под республиканским контролем находится как законодательство, так и губернаторская власть, в то время как демократическая партия имеет влияние как на законодательство, так и на исполнительную власть лишь в семи

штатах. Примерно 20% американцев – 45 миллионов человек – теперь поддерживают Движение чаепития, резко выступающее против налогообложения, а в последние месяцы кандидат в президенты Дональд Трамп, придерживающийся популистско-националистического направления, на праймариз набрал исторический рекордное количество голосов республиканцев.

Что отличает американских правых от их иностранных коллег, так это ненависть к федеральному правительству. Американские правые требуют урезания государственных социальных гарантий: пособий по безработице, бесплатной медицинской помощи, материальной поддержки студентов, бесплатных школьных обедов и многих других государственных субсидий. Известные республиканские лидеры требуют упразднения целых государственных департаментов: образования, энергетики, торговли, внутренних дел. В 2015 году 58 республиканцев в Конгрессе проголосовали за упразд-

нение Федеральной налоговой службы. Некоторые даже требовали уничтожить все бесплатные средние школы.

Рядовые члены общества, поддерживающие этих лидеров, раздражены и злы на правительство. Большой вопрос «почему так происходит?» побудил меня начать пятилетнее этнографическое исследование в Луизиане, одном из важнейших центров американских правых. Когда я стала брать интервью для своей книги «Чужие в своей стране: гнев и скорбь американских правых» (*Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*)¹, загадка становилась всё запутанней. Луизиана – второй по бедности штат страны. Здесь пропорционально больше несостоятельных школ, больше жителей с болезнями и лишним весом, чем почти во всех других штатах. Так что Луизиане требовалась государственная помощь – и она её получила: 44 процента бюджета штата было субсидировано федеральным правительством. Мне стало

интересно, почему же сторонники Движения чаепития так недовольны. И как так получается, что гнев – или любая другая эмоция – становится основой политических действий?

Многие аналитики подходят к данному вопросу извне, не углубляясь в личный опыт людей, придерживающихся крайне правых взглядов. Я же хотела постараться понять этот опыт изнутри. Я посещала собрания клуба Республиканских женщин Юго-Западной Луизианы, церковные службы и политические митинги. Я просила людей показать мне места, где они выросли, школы, которые они посещали, кладбища, где были похоронены их родители. Я внимательно просмотрела выпускные альбомы своих новых луизианских друзей, играла с ними в карты и ездила на рыбалку. Всего я провела 60 интервью. 40 респондентов – белые пожилые христиане, сторонники Движения чаепития. Я собрала более 4600 страниц транскрибированных интервью и полевых заметок.

Ещё я придумала особый метод. Сначала я слушаю респондента. Затем составляю метафорический образ его опыта, лишённый суждения и фактов, интерпретацию, основанную на эмоциях и чувственной интерпретации, которую я называю «глубинной историей». Я считаю, что в основе всех наших политических убеждений лежит одна из таких историй. Приведу пример:

Вы терпеливо стоите в длинной очереди на гору, как будто на богомолье. Перед Вами и за Вами стоят такие же, как вы – белые, пожилые, христиане, в основном мужчины. Почти сразу за гребнем холма – Американская Мечта, цель всех стоящих в очереди. Теперь смотрите! Внезапно перед Вами лезут в очередь какие-то люди! Как только они встают, Вас как будто отодвигает назад. Как они посмели? И кто они такие?

Многие из них – афроамериканцы. Федеральные планы позитивных действий дают им преимущества при получении мест в колледжах и университетах, на стажировках, при устройстве на работу, получении социальных выгод и бесплатных обедов. Вперёд пролезают и другие: наглые женщины, которые хотят устроиться на работу, прежде предназначенную исключительно для мужчин; иммигранты, беженцы и всё растущее число работников государственного сектора, чья большая зарплата оплачивается налоговыми долгами из вашего кармана. Когда это кончится?

Пока Вы стоите в этой неподвижной очереди, от Вас ожидают сочувствия и жалости по отношению к ним ко всем. Люди жалуются на расизм, дискрими-

нацию, сексизм. Вы слышите рассказы об угнетённых афроамериканцах, притесняемых женщинах, утомлённых мигрантах, тайных гомосексуалах, отчаявшихся беженцах. Но в какой-то момент, говорите Вы себе, нужно наступить на горло человеческому сочувствию – особенно если среди всех этих людей есть кто-то опасный.

Вы сострадательный человек. Но теперь от Вас требуют распространить своё сострадание на всех, кто влез перед Вами. Вы сами пережили немало, однако Вы не жалуетесь, не просите помощи, и Вы этим гордитесь. Вы верите в равенство прав. А как насчёт Ваших собственных прав? Разве они не считаются? Это несправедливо.

Затем Вы видите, как темнокожий президент, второе имя которого Хуссейн, приветствует тех, кто влез без очереди. Он очевидно на их стороне, а не на Вашей. Он их президент, а не Ваш. И разве он сам не влез без очереди? Каким образом сын бедствующей матери-одиночки смог заплатить за обучение в Колумбийском университете и Гарварде? Может быть, Вам чего-то недоговаривают. И разве это не президент со своими сторонниками-либералами распоряжается Вашими деньгами? Вы хотите выключить машину под названием «федеральное правительство», ведь это он и его сторонники-либералы пользуются ею, чтобы отодвинуть Вашу позицию в очереди.

Я обращалась к респондентам с вопросом, отражает ли данная «глубинная история» их чувства. Некоторые кое-где меняли повествование («тогда мы встаём в другую очередь...» или «вот он раздаёт наши деньги...»), однако все респонденты говорили, что история звучна их пониманию происхождения. Один человек сообщил мне: «Ваша метафора – точно про меня». Другой сказал: «Вы читаете мои мысли».

Что заставляет такую историю звучать правдиво? Коротко говоря, в ее основе лежит потеря чести (утрата престижа и кризис чувства собственного достоинства – А.В.). Сторонники Движения чаепития, с которыми я общалась, в основном не были бедны, однако они выросли в бедности и видели, как их семьи и друзья снова увязают в ней. Однако материальное благосостояние – не единственный источник благополучия и чувства собственного достоинства. Будучи белыми гетеросексуальными христианами, многие респонденты рассказывали о страхе перед демографическим упадком («Стало меньше таких людей, как мы», – сказала мне одна женщина) или о страхе превратиться в религиозное меньшинство («Люди больше не ходят в церковь», «Нельзя

говорить «счастливого Рождества», нужно говорить «поздравляю с праздниками»). Некоторые чувствовали себя культурным меньшинством («Мы порядочные люди, но на нас смотрят как на сексистов, гомофобов, расистов и невежд – вот такие ярлыки навешивают на нас либералы»). Некоторые, обращаясь в поисках самоуважения к родному дому, который часто находится на деревенском Среднем Западе или Юге, чувствуют себя оскорблёнными, так как их называют «деревенщиной». Соответственно, за этой «глубинной историей» стоит потеря чести-престижа по всем фронтам – сжатие чувства собственного достоинства (honor squeeze).

В глубинной истории описывается боль (другие влезают перед тобой). Описывается и осуждение (злокозненное правительство). И также есть указание на выход (политика Движения чаепития). Кроме того, глубинная история содержит систему эмоциональных счётов, которая определяет, сколько сочувствия надлежит выказать тем, кто ждёт своей очереди и тем, кто влезает без очереди, насколько можно недоверять государству и насколько сильно следует порицать государственных льготников. Эта система становится основой для правил чувствования², определяющих, что «следует и не следует» чувствовать. Эти правила сейчас являются ключевой мишенью в жаркой политической борьбе. Явным или неявным образом большинство должностей в сфере услуг требует от работников повиновения правилам чувств («Неправильно злиться на клиента, он всегда прав»). Во время стажировки работники учатся контролировать свои чувства, а руководители наблюдают за тем, насколько хорошо у них это получается. Подобным образом политические идеологии содержат в себе правила чувств. Лидеры указывают адресатов и направление для сочувствия, подозрительности, осуждения, стыда, а ведущие радио-ток-шоу и теленовостей распространяют информацию, которую через дикторский текст считывают локальные и электронные сообщества.

Левые и правые следуют наборам правил чувствования, разрыв между которыми всё ширится. В общем и целом, левое крыло призывает к состраданию по отношению к непривилегированным группам, которые рассматриваются как заслуживающие государственной помощи; правое крыло этого не делает. Левые призывают доверять правительству в этом аспекте, правые подозревают его в нечестных действиях и осуждают. Для левых получение государственной поддержки – акт, полный достоинства и осознания собственного права на помощь, для правых же – это стыд и позор.

Дональд Трамп выступает перед толпой в Фениксе с речью на одну из своих любимых тем – об иммиграции.

Что касается культурной борьбы между двумя наборами правил, сторонники Движения чаепития, участвовавшие в моём исследовании, ощущали, что над ними довлеют правила чувств, характерные для левого крыла, и негодовали по этому поводу. «Довольно с нас ПК! (политической корректности)» – часто восклицает Дональд Трамп, и его слова отражают настроения, решительно поддерживаемые правым крылом. Один мужчина сказал мне: «Либералы хотят, чтобы мы жалели иммигрантов и беженцев. Но я в основном вижу кучу людей, повторяющих: «Ах, я бедный, ах, я несчастный...»» Другой говорил: «Либералы получают что-то от государства, а мы – ничего не получаем, и я рад ничего не брать, если я не нуждаюсь. Но они хотят, чтобы мы были благодарны за то, что получают они». Многие считают получение государственной помощи в высшей степени постыдным фактом и относятся с крайним презрением к мошенникам, спекулирующим на социальной поддержке. «Я знаю парней, которые регистрируются как безработные на время охотничьего сезона». Или: «Многие жители этого трейлерного парка получают пособие по инвалидности, заявляя, что у них бывают припадки. Я не знаю, как им совесть позволяет! Но ведь позволяет как-то, а государство их поощряет». Большинство сторонников Движения чаепития резко негативно относятся к идее, чтобы каждый чувствовал сострадание к лезущим без очереди, благодарность по отношению к государству или же без стыда принимал «подачки от государства».

Однако с этим соглашались не все мои респонденты. Действительно, они разделились на две группы, которые будто бы услышали разные концовки «глубинной истории». Традиционные сторонники Движения чаепития хотели бы отменить и практику влезания без очереди, и государственное поощрение за неё. С другой стороны, сторонники Дональда Трампа хотели бы оставить государственные субсидии

и сделать непостыдным факт их получения – однако эти субсидии должны быть безусловно предназначены для коренных американцев, желательно белых.

Заявления Трампа туманны и изменчивы, однако эксперты отмечают, что он не требует урезания бесплатной медицинской помощи. По его словам, вместо программы Obamacare, предоставляющей медицинское обслуживание незастрахованным лицам, он планирует ввести новую программу, которая обещает быть «потрясающей». Примечательно также и то, что именно Трамп считает постыдным. Несмотря на оскорбительные высказывания в адрес героя войны и бывшего военнопленного Джона Маккейна, журналиста, имеющего инвалидность, женщины-комментатора Fox News, мексиканцев, проживающих без документов, американского судьи мексиканского происхождения, всех мусульман и всех своих соперников из Республиканской партии, Трамп никогда не упрекал тех, кто получает бесплатную медицинскую помощь или талоны на питание.

Однако для того, чтобы легитимизировать государственные субсидии для белых мужчин, Трампу необходимо маскулинизировать акт их получения. Возможно, это и есть тайный могущественный источник привлекательности Трампа. Он одобряет мужчин, вступающих в драки, носящих оружие, жёстких, ведущих себя как мачо. Большинство получающих государственные субсидии – женщины, дети и цветные мужчины. Однако среди них есть множество бедных, почти бедных или боящихся обеднеть белых мужчин. Если такому мужчине нужна помощь, намекает Трамп, получение государственной поддержки будет вполне соответствовать нормам маскулинности. Прилепи на пикап наклейку с пистолетом, лезь в драки, будь мужиком, подразумевает Трамп, а ещё подай за-

явление на государственную помощь или талоны на питание – и никаких стигм маскулинности.

Важно иметь в виду то, что многих последователей Трампа, белых мужчин из рабочего класса, ждёт та же суровая экономическая судьба, которая раньше была уготована темнокожим: отсутствие рабочих мест, низкая зарплата, отчаяние и безысходность. Среди таких мужчин пропорционально больше отцов-одиночек, чем среди более богатых белых мужчин, больше разводов, больше детей, их жизнь в целом труднее. Если в настоящее время они не участвуют в программе бесплатной медицинской помощи, то, возможно, она понадобится им в будущем. Так что они сталкиваются с внутренним противоречием: им необходима государственная поддержка, к которой они с давних пор относятся с презрением, как и правое крыло в целом. Отсутствие государственной поддержки было ключевым статусным маркером, отделяющим «настоящих мужчин» от «настоящего дна». В моих луизианских интервью со сторонниками Трампа тема гарантии государственных субсидий не поднималась, по крайней мере, сначала. Однако когда я спросила одного автомеханика, что думает Трамп о мерах социальной защиты для «простых людей», он отметил: «Трамп не против. Если ты пользуешься талонами на питание, потому что работаешь на низкооплачиваемой работе, ты не хочешь, чтобы на тебя смотрели свысока».

Трамп автоматически освобождает от стыда белых мужчин из рабочего класса, но не мигрантов и не цветных мужчин. Действительно, в качестве ответа на «глубинную историю» Трамп создал движение, весьма похожее на анти-мигрантский правый социал-популизм, набирающий силу в Великобритании, Германии, Франции, Австрии и многих странах Восточной Европы. Я полагаю, что все эти движения правого толка основаны на вариантах вышеприведённой «глубинной истории», на чувствах, вызываемых ею, и на твёрдых убеждениях, её защищающих. ■

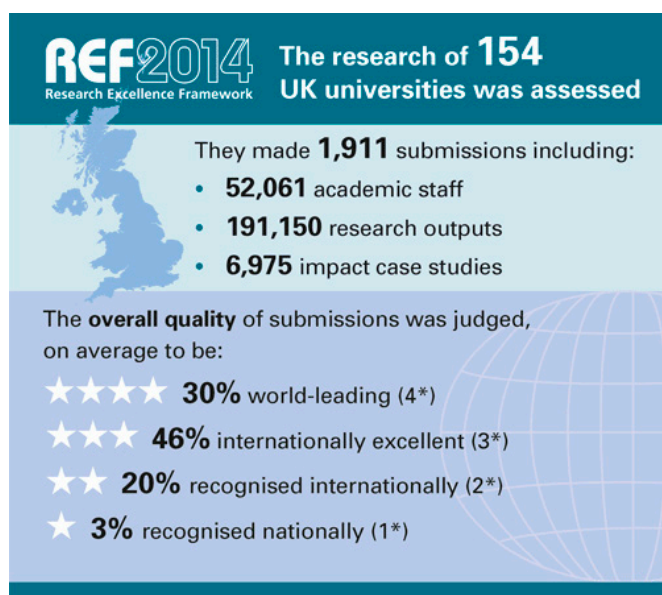
Корреспонденцию присылайте Арли Хохшильд на адрес ahochsch@berkeley.edu

¹ Hochschild, A. (2016) *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. New York: New Press.

² См. Hochschild, A. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press.

> Эра корпоративного университета в Великобритании

Хью Бейнон, Кардиффский университет, Великобритания

Данные отчёта по Британскому стандарту качества исследований 2014 г.

верситет получал адекватное финансирование в соответствии с определенной формулой. В целом признавалось, что университеты представляют собой «элитную» систему, ведь лишь десять процентов выпускников школ получали высшее образование, а большинство молодых взрослых проходили обучение в сложной системе техникумов, училищ или прямо на рабочем месте.

При правительстве Тэтчер, однако, уничтожение промышленного сектора в Британии положило начало разговорам о возрождении нации через «экономику знания», что заставило Блера сделать упор на «образовании, образовании и еще раз образовании», и утверждать, что 50 процентов детей в Великобритании должны получить высшее образование. Таким образом, университеты начали свое стремительное превращение в органичный элемент правительственной экономической стратегии. Это стало еще очевиднее, когда ответственность за высшее образование перешла сферу компетенции Министерства торговли и промышленности. Теперь же им занимается и вовсе Министерство бизнеса, инноваций и навыков, чей последний аналитический доклад «Успех как стратегия экономики знания: качество преподавания, социальная мобильность и студенческий выбор» показывает, каким образом некогда утопичная идея может послужить платформой для реакционных изменений.

Этот стратегический поворот был обеспечен изменениями в финансировании британских университетов, включившими в себя переход от системы государственного финансирования на систему самоокупаемости, поддерживаемую платой, взимаемой со студентов. В 1998 году стоимость обучения, установленная лейбористским правительством, составляла 3000 фунтов стерлингов в год, но с тех пор стоимость увеличилась до 9000 фунтов, и ожидается лишь дальнейшее повышение. Значительные вариации присутствуют в образовательной политике Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе, но в Англии высшее образование идет рука об руку со студенческой задолженностью и сложной системой образовательных кредитов.

Новая система финансирования - ключевой двигатель изменений. Университеты соревнуются друг с другом за

Британские университеты меняются, причем настолько радикально, что совсем непросто предсказать, во что же изменения выльются в конечном итоге. Несомненно, работа и учеба в британском университете сегодня - опыт совершенно иного характера, чем даже десятилетие назад. Стефан Коллини недавно заявил, что организации, «которые мы сейчас называем университетами, превращаются в центры прикладного знания и профессиональной подготовки, подчиненные государственной «экономической стратегии». Это объяснение созвучно с речью, произнесенной Джоном Холмвудом, на тот момент президентом Британской социологической ассоциации, на выпускной церемонии в 2014 году. Он приходит к выводу, что британская система высшего образования теперь «служит патристическому капитализму и непрерывно углубляющемуся неравенству». Последствия таких изменений для социологии как науки не до конца ясны, но уже сейчас очевидны причины для беспокойства.

> Финансирование: от централизованных грантов к поборам со студентов

Британские университеты издавна - то есть до прихода к власти Тэтчер и Блера - славились как квазинезависимые благотворительные организации. Число студентов определялось на государственном уровне, и каждый уни-

студентов, что приводит к важным педагогическим последствиям: студенты теперь рассматриваются не как ученики и подмастерья, а как клиенты. Возможно, парадоксальным образом, новая эра «студенческих рынков» сопровождается углублением и расширением разнообразных форм государственного надзора.

В 2005 году правительство Блэра заменило прежнюю громоздкую систему оценки качества (в соответствии с которой качество образования предполагалось повысить при помощи инспекций и стандартизации учебного процесса) Национальным опросом студентов - подобием маркетинговых исследований, заключающемся в сборе и публикации студенческих отзывов на все курсы и образовательные программы. Эти данные вскоре были переформатированы в рейтинги «лучших» университетов, сведены воедино и опубликованы в газетах.

В настоящее время правительство планирует улучшить эту систему оценивания работы университетов введением более сложных критериев, отражающих «уровень преподавательского мастерства», которые принимают во внимание процент отчисляемых студентов, статистику занятости выпускников, а также студенческие отзывы о курсах и преподавателях. Хотя и известно, что каждый из этих параметров грешит значительными искажениями, правительство планирует ввести новую систему оценивания, на основании которой «можно ожидать значительных изменений в стоимости обучения в зависимости от показателей».

> От оценки исследований к показателям отличного исследования

В рамках «старой» системы финансирования от преподавателей ожидалась преподавательская деятельность и проведение исследований в пропорции 3:2 затраченного времени. Исследовательские советы, состоящие из представителей научного сообщества и финансируемые государством, предоставляли возможность получения дополнительного финансирования через проведение конкурсов. Правительство Тэтчер, озабоченное обилием радикальных и критических голосов на университетских кампусах, настояло на переименовании Исследовательского комитета по социальным наукам в Исследовательский комитет по экономике и социальным наукам (Economic and Social Research Council, ESRC). Постепенно эта организация все сильнее ориентировалась на нужды британской экономики. Более того, на факультетах было введена система регулярного (проводимого как минимум раз в пять лет) ревью исследовательской деятельности. На достаточно неформальном уровне в 80-х гг. проводились так называемые «процедуры оценки исследовательской работы», но уже с 1990 года результаты этих оценивающих процедур были привязаны к дальнейшему финансированию исследований, что существенно отличалось от модели старой грантовой системы.

Последующие реформы лишь расширили и укоренили эту систему. В 2015 году последовало изменение названия процедуры: она стала называться «Стандарт исследований высшего качества» (Research Excellence Framework, REF). Вслед за этим произошло очередное радикальное изменение – в том числе были предприняты новые попытки оценить «последствия» опубликованных исследований и их «очевидную экономическую и общественную полезность».

Группы экспертов должны «проводить оценку нарративных свидетельств полезности, подкрепляемых соответствующими индикаторами, и составлять профиль каждого оцениваемого». Каждый профиль будет оцениваться по шкале от «лидирующего на мировой арене» (4*) и «признанного превосходным на международном уровне» (3*) до «признанного на международном уровне» (2*) и «признанного на национальном уровне» (1*).

Постепенно значение внешнего мониторинга передвинулось с периферии университетских обсуждений в самый центр планирования исследовательских стратегий. В академическом дискурсе при оценке исследователей заняли прочное место такие категории, как «звезда» наряду с такими эпитетами как «превосходный», «прозрачный», «сильный» и «строгий». Так создается видимость неоспориваемого нарратива, который некоторые социологи безоговорочно приняли на веру. Аббревиатура REF заняла прочное место в лексиконе работников британских университетов наряду с такими неологизмами как «Рефабельный» и «Рефоготовый» и т.д.

> Корпоративный университет

Вышеописанные изменения представляют собой неотъемлемую часть сильной неолиберальной стратегии, не обращимо изменившей публичный сектор Британии. Эволюция в высшем образовании идет в ногу с тем, что до неузнаваемости изменило систему здравоохранения, налогообложения, полиции и образования в целом. Университеты, борющиеся друг с другом за студентов – поскольку они теперь являются главным источником дохода – и борющиеся за высокие позиции в разнообразных рейтингах – все чаще ведут себя подобно корпорациям, главная цель которых – прибыли. О благотворительном прошлом британских университетов можно забыть.

Главы университетов (проректоры) уже не считают, что они являются первыми среди равных. Теперь они – самые настоящие корпоративные управляющие с соответствующими зарплатами и собственной схемой пенсионных накоплений. Когда нынешнее консервативное правительство сняло ограничения на количество зачисляемых студентов, перспективы высоких доходов заставили британские университеты последовать американскому примеру и заняться поисками займов и инвестициями в недвижимость. Многие члены административной элиты рассматривают новые университетские корпуса как символическую репрезентацию своих успехов.

В своем стремлении к рекрутингу новых студентов (то есть зарабатыванию «наличных денег») университеты, недовольные визовыми ограничениями для иностранных студентов, построили огромные кампусы за границей, предлагая некоторым сотрудникам перспективы карьерного роста, от которого невозможно отказаться. В то время как некоторые подобные предприятия оказались успешными, другие попросту потерпели фиаско. В конце 2015 года Университет Абериствита потратил полмиллиона фунтов стерлингов на открытие кампуса для британских и международных студентов на Маврикии. Предполагалось, что это «обеспечит новыми возможностями доступа к высококлассному образованию среди тех студентов, которым такие курсы обычно недоступны». Но к 2016 году в кампусе, рассчитанном на 2000 человек, училось лишь 40. Бывший

>>>

проректор прокомментировал ситуацию следующим образом: «Это предприятие – сущее безумие. Лучше бы они потратили столько же ресурсов на повышение качества образования и рекрутинг британских студентов».

Университеты переживают непростые времена и стрессовые изменения, что оказывает неблагоприятное влияние на работу преподавателей и исследователей. Новый корпоративный университет претерпевает дальнейшую централизацию в руках каждого нового проректора. В погоне за достижением новых целей такой проректор выстраивает разнообразные вертикальные структуры, поддерживаемые все растущим числом административного персонала. Возникают новые административные иерархии, множатся команды технической и финансовой поддержки, мигрирующие из школ в университеты. Все чаще коммуникация проводится по электронной почте, а не в личном контакте. То, что раньше было элементарной операцией (согласование совещания или резервирование аудитории) теперь требует особой технической подготовки и доступа к определенным компьютерным программам. «Метрические» показатели становятся все более важным инструментом оценки деятельности работника, они все стремительнее приближают университеты ко всеобщей стандартизации, которая во многих университетах принесла с собой и новые системы оценки качества работы. Практики привязки оплаты труда к качеству выполнения должностной инструкции сочетается с распространением нового типа трудовых договоров, предполагающих преподавание без исследовательской деятельности.

Патология бюрократического смещения ценностей в структурах, функционирующих по жестким правилам, ранее уже описанная Алвином Голднером, теперь наблюдается и в британских университетах. Она особо очевидна в схемах оценки преподавательской и исследовательской деятельности: до такой степени, что некоторые университеты предостерегают студентов от негативных оценок преподавателей и курсов, ведь понижение рейтинга университета негативно скажется на окупаемости диплома на рынке труда. Учитывая, что студенты нередко критикуют курсы за предоставление «недостаточного фидбека», некоторые университеты доходят до того, что проводят специальные собрания, на которых объясняют студентам, что такое «фидбек» и в какой форме они его получают. В ряде университетов даже ввели должность «проректора по фидбеку», а некоторые преподаватели устаиваются оценки «победителя по фидбеку».

Такая «игровая» деятельность особо процветает в сфере оценки качества исследований. В 2014 году многие университеты отказались от схемы, по которой все преподаватели включались в списки Оценки качества исследований, оставив в них лишь тех, кто отличился публикациями в изданиях с высоким рейтингом. Процедуры внутренней оценки в университетах лишились прозрачности и коллегиальности. В итоге отовсюду слышались взаимные обвинения в обмане и мошенничестве. Сейчас, в преддверии всеобщего мониторинга в 2020 году, многие университеты приняли меры по отслеживанию публикаций, наняв специальных «менеджеров по мониторингу исследований», производящих на свет документацию, написанную витиеватым языком и одобренную самореференциями.

Решения такого рода безусловно принимаются на самом

высоком уровне и распространяются рассылкой дидактических электронных писем и пропагандой на совещаниях. Комментируя ситуацию, профессор Бен Мартин из Университета Сассекса отметил рост «негативизма, цинизма и угрюмого смирения» среди преподавательского состава. Это подтверждается недавним опросом о работе университетов, проведенных «Таймс» (Times University Workplace Survey), продемонстрировавшем, что хотя научные сотрудники в целом находят удовлетворение в работе, три четверти испытывают глубокое разочарование в планах развития своих университетов и деятельности высшего руководства. Опрос также показал, что половина респондентов озабочены тавтологичностью попыток количественного измерения исследовательского успеха. Что еще хуже, по мнению пятидесяти процентов респондентов, университеты в борьбе за студентов постоянно снижают планку для поступающих, а на преподавателей оказывают давление, чтобы они выставляли студентам более высокие оценки.

Профессор социологии Университета Уорвика, Чарльз Тернер, недавно составил список «проблем, приводящих к уничтожению современных университетов». Среди них: трата значительных средств и ресурсов на строительство ненужных и неудобных зданий вместо развития и пополнения библиотек; выдача дипломов с отличием тем студентам, которые двадцать лет назад с трудом смогли бы вообще доучиться до последнего курса; передача ответственности за ключевые решения по вопросам педагогики в руки административного персонала; отчаянные попытки выдать некоторые образовательные программы за прикладные, когда они таковыми не являются и не могут быть в принципе, а также целая лавина публикаций, которые ни один здравомыслящий человек не захочет читать или писать («The Guardian», 1 июня 2016 года).

> Меняющееся место социологии

Социология как дисциплина появилась в британских университетах сравнительно недавно. В начале 1960х гг. можно было говорить о существовании лишь трех достойных упоминания центров. Впоследствии резкий рост числа студентов и факультетов помог социологии занять сильные позиции, на коих она находится сегодня. Этот резкий рост сопровождался высоким уровнем «открытости». Делалось мало попыток установки профессиональных дисциплинарных границ. Это позволило социологической мысли проникнуть во многие разнообразные сферы знания. Однако, последствием такой открытости стала утеря некоторых специализаций в иные исследовательские области. Хорошим примером этого процесса являются «социология труда» и «социология образования», преподавание которых мигрировало из социологических факультетов в бизнес школы и педагогические программы.

Социология изменилась по многим параметрам. После нескольких радикальных прозрений в сфере изучения девиантности в 1960-е и 1970-е эта социологическая специализация переквалифицировалась в криминологию, крайне востребованную область, преподавание которой нередко происходит в мультидисциплинарных контекстах с элементами социальной политики и правоведения. Здравоохранение и экология – это две области, в которых социологии также удалось разработать прикладные и очень популярные курсы. Эти изменения, вместе с дрейфом основного фокуса дисциплины в сторону интерпретативных подходов

>>>

и исследования идентичности, заставили некоторых предположить, что сила материальных структур и ограничений недооценена, что ослабляет способность социологии давать когерентный ответ на вызовы современности.

Подобные вопросы возникают и при обсуждении исследовательской повестки дня университетов в условиях работы новой системы рейтингов (REF). Механистический ригидный стиль оценки и поощрение высоких количественных показателей заставляет ученых публиковать больше кратких журнальных статей и меньше объемных монографий, а также сужать поле своей экспертизы, подгоняя его под критерии оценочного процесса. Многие комментируют негативные последствия для этнографической работы и для других форм исследований, построенных на долгосрочных контрактах с сообществами. В целом места в рейтинге могут влиять на отношение к дисциплине в университете. С сожалением можно отметить снижение числа оцениваемых факультетов в 2014 году (только 29 факультетов и 704 сотрудника в рубрике «социология», что представляет исторический минимум, и, например, 62 факультета и 1302 работника в рубрике «социальная политика»). Эти соотношения, представляющие собой полную противоположность реальной ситуации в университетах, отражают изменения в исследовательских приоритетах некоторых социологов в пользу более прикладных областей и стратегический выбор централизованных университетских комитетов. В итоге оценивающая комиссия была вынуждена признать, что ей удалось обследовать лишь «частичное представительство дисциплины».

Метрические показатели заставляют исследователей работать с внешними агентствами, и многим кажется, что критическая работа будет исключена или удостоена низкой оценки. Хотя все еще есть пространство для критической работы (например, в вопросах экологии), новая система оценивания с предпочтением относится к социологическим выводам, призывающим лишь к минимальным политическим изменениям. Вследствие этого университеты

призывают своих работников к осторожности с выводами. Совет по исследовательским проектам (упомянутый ранее в статье ESRC) – и сам находящийся под пристальным вниманием властей – начал отдавать приоритет при финансировании крупным проектам, над которыми работают команды, предполагающие сотрудничество нескольких университетов. В таких условиях маленькие проекты все чаще рискуют остаться без поддержки.

Эти изменения происходят уже в течение тридцати лет. Представляется, что сейчас мы находимся на пороге кризиса, что заставляет нас поставить под вопрос саму концепцию государственного университета как центра критической и научной мысли. Вполне вероятно, что современная государственная политика приведет к созданию новых частных университетов и дальнейшей интенсификации давления конкуренции в крупном третичном образовательном секторе.

Все это подводит нас к непростым вопросам о будущем и целях университетов, а также месте социологии в них. К счастью, социологи занимают не последнее место в борьбе против таких изменений. На июньской встрече в Лондоне группа социологов, лидером которой является Джон Холмвуд, озвучила собственную стратегию в аналитической записке «Альтернативная программа развития высшего образования». В ней отмечено, что внедрение коммерческих образовательных организаций в сектор высшего образования представляет опасность для студентов и критических исследований. Она заканчивается цитатой из *Magna Charta Universitatum* 1988 года, подписанной 802 университетами всего мира: университеты – это «автономные институты», которые «обязаны быть морально и интеллектуально независимыми от политической и экономической власти» – цель, важность которой становится тем выше, чем дальше мы от нее уходим... ■

Корреспонденцию присылайте Хью Бейнону на адрес beynonh@Cardiff.ac.uk

> Канадские «социологические войны»

Нил Маклафлин, Университет Макмастера, Канада, Энтони Паддефэтт, Университет Лейкхед, Канада

Эти значки получили распространение после того, как премьер-министр Канады Стивен Харпер объявил, что сейчас «не время заниматься социологией». Он ссылаясь на необходимость вести ожесточённую борьбу с террористами, вместо того чтобы исследовать причины терроризма.

На рубеже XXI века ряд уважаемых ученых озвучили свои опасения по поводу состояния канадской социологии. Брюс Кёртис и Лорна Уир заявили, что англоязычная канадская социология страдает от «недостатка понимания социологии как ремесла с особым знанием, навыками и общественным призванием». Они выразили беспокойство по поводу будущего дисциплины, в том числе в связи с тем, что основатели канадской социологии приближаются к пенсионному возрасту¹. Роберт Брим высказал опасения по поводу снижения показателей членства в Канадской социологической ассоциации и общего состояния здоровья дисциплины в Канаде². В ответ Нил Маклафлин провел исследование ряда более широких институциональных факторов, предупредив о «надвигающемся кризисе» канадской социологии³, в надежде призвать социологов к рефлексии и положить начало диалогу, который мог бы содействовать разработке более дальновидных институциональных стратегий и планов на будущее. Шквал ответов на эти статьи отличался крайней эмоциональностью и ознаменовал начало дебатов, названных в Канаде «социологическими войнами» и продолжающих бушевать и десятилетие спустя.

В ответ на эту критику Пэт О'Мэлли и Алан Хант заявили, что озабоченность Кёртис и Уир по поводу ослабления дисциплины приведет к «охоте на ведьм», введению строгих дисциплинарных стандартов контроля социологов, которые, не дай бог, посмеют отклониться от генеральной линии⁴. Статья Маклафлина о «кризисе» вызвала очередную волну критических отзывов со стороны недовольных ее

нормативной направленностью и эмпирической достоверностью⁵. Хотя дискуссия и помогла контекстуализировать реалии канадской социологии, ее тон зачастую отличался чрезмерной жесткостью. В то время как канадские социологи готовятся принять Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации (МСА) в 2018 году, мы размышляем об основных проблемах, поднятых спорящими, и постараемся обсудить темы, которые, возможно, релевантны и другим национальным социологиям (в особенности за пределами США).

Беспокойство помимо прочего вызвано снижением членства и посещаемости нашей национальной ассоциации социологов. Ежегодные англоязычные социологические встречи проводятся в рамках междисциплинарного Конгресса общественных и гуманитарных наук, организуемого несколькими университетами по всей стране. Канадские социологические встречи не отличаются высокой посещаемостью, особенно со стороны ведущих ученых страны. Обоснованно ли считать это обстоятельство предвестием заката дисциплины? Жан-Филипп Уоррен напоминает нам, что и другие национальные и даже глобальные научные ассоциации сталкиваются с подобной проблемой⁶. Ссылаясь на тезис Роберта Патнэма о «бойлинге в одиночку», он утверждает, что коммуникационные технологии в сети Интернет обеспечили ученых возможностью построения сетей вне зависимости от разделяющих их географических расстояний. Итак, ученые теперь могут «социологизироваться в одиночку», то есть вне традиционных формально организованных встреч.

>>

И все же в 2000-х гг. были очевидны и иные слабые места, ведь низкий статус социологии не претерпел изменений ни в университете, ни в обществе в целом. Многие проблемы остаются релевантными и по сей день, с ними сталкиваются и другие национальные социологии. Однако эти проблемы приобретают особый оттенок в Канаде в силу исторических особенностей развития нашей страны, а также характера взаимоотношений с США, Британией и Европой.

Озабоченность угрозами американской научной гегемонии привели в 1970-е и 80-е годы к развитию движения за канадизацию. Социологи пытались нащупать особый канадский путь социологии, усиливая «канадскость» контента и пропагандируя найм канадских кадров. К сожалению, эти тенденции лишь усугубили негативное отношение к американской социологии и ту особую националистическую дальновзорность, позволяющую видеть соринку в глазу американского соседа и не замечать бревно в своем⁷.

И все же основания для озабоченности по поводу ослабления нашего национального контента существуют (отметим еще раз, что эта проблема касается не только канадской национальной социологии). Канадские социологи все чаще проходят обучение в США, ориентируются на международные теоретиков и не желают равняться на такие канадские примеры для подражания как Джон Портер и Уоллас Клеман⁸. То, что казалось особой канадской традицией, продолжает вливаться в глобальную (читай: американскую и евроцентричную) дисциплину.

Ральф Мэтьюс делал попытки заново создать уникальную канадскую традицию, возродив «сырьевую теорию» Харольда Инниса⁹, одного из первых теоретиков канадского общества, утверждавшего, что географическое развитие канадских городов было тесно связано с торговыми путями нашей ресурсной экономики, что способствовало созданию сильно отличающихся друг от друга географических регионов с преобладанием разных культурных влияний. Обогащая эту рамку современными тезисами о последствиях добычи ископаемого топлива, защиты окружающей среды и прав коренного населения, мы узнаем, насколько мы уникальны канадская нация и социологическая традиция. Однако то, что кажется уникальным в Канаде, может также служить важной рамкой для сравнения с другими странами, сталкивающимися с аналогичным влиянием глобализации на локальный контекст и проблемы.

Как относительно новая дисциплина, прошедшая полную институционализацию лишь в 1960-х–70х, канадская социология характеризовалась особым радикализмом, вдохновленным марксистской мыслью, ведь приток исследователей в этой области происходил преимущественно в периоды социального и политического конфликта. Глубоко «критическая» направленность до сих пор присуща нашей дисциплине, что вызывает повышенное участие социологов в политической жизни (и раздражение консерваторов). Например, отмахиваясь от призывов к проведению исследований по выяснению глубинных причин терроризма с целью его предотвращения в будущем, бывший канадский консервативный премьер-министр Стивен Харпер произнес нашумевшую фразу: «Сейчас не время заниматься социологией». Канадские социологи услышали в этой фразе сомнения в ценности социологических исследований. После этого случая Канадская социологическая ассоциация

начала продажу футболок с надписью «Заниматься социологией!», чтобы выступить со своеобразным политическим призывом в 2015 году.

Укорененный в канадской социологии критический элемент создает плодородную почву для идей Майкла Буравого о публичной социологии¹⁰. Некоторые канадские социологи поддерживали его призывы, другие критиковали недостаточное, по их мнению, содействие Буравого развитию публично-ориентированных исследований¹¹. Некоторые канадские исследователи вообще отвергают идею публичной социологии, подчеркивая важность профессиональных ценностей. Скотт Дэвис заявил, что необходим окончательный и бесповоротный «дисциплинарный развод» «правильных» социальных ученых с одной стороны и критических теоретиков-догматиков с другой¹². По мнению канадских феминисток, схема Буравого игнорирует потенциальную значимость частных и государственных партнерств, которые помогают взаимодействию исследователей и общественности в решении важных социальных проблем¹³.

И действительно, теперь, когда мы переходим от высоко консервативной повестки прежнего правительства Харпера к либерализму нынешнего премьер-министра Джастина Трудо, очевиден потенциал увеличения федерального участия в решении общественных проблем, особенно в отношении коренного населения. Можно ожидать развития оживленной и сильной публичной социологии в Канаде, сохраняющей критическое партнерство и непрерывный диалог с государством.

Социологические войны продолжаются и по сей день, и статус дисциплины остается одним из насущных вопросов. Уильям Кэрролл недавно заявил, что наряду с другими дисциплинами в области социальных наук социология должна уступить место трансдисциплинарному кластеру, объединенному критическим реализмом¹⁴. Тот факт, что этот исследователь получил награду журнала *Canadian Review of Sociology*, свидетельствует об определенных культурных трендах канадского общества. Действительно, многие социологи в Канаде предпочитают отказаться от своей дисциплинарной идентичности и социологического призвания.

Этот тренд создает серьезное препятствие для тех, кто стремится к относительно открытой форме научной деятельности, но не желает отказываться от своих дисциплинарных привилегий. Многие считают, что, наперекор распространенному мнению, дисциплины – это не интеллектуальные пережитки прошлого, а эффективные институции, которые с невероятно высокой производительностью труда занимаются производством и распространением знания¹⁵. И все же всем известная риторика о дисциплинах как чем-то безнадежно устаревшем и необходимом исключительно с целью воспроизводства государственного контроля над учеными, трудно искоренима¹⁶. И хотя дисциплины действительно в определенных ситуациях препятствуют производству знания, мы не можем игнорировать свидетельства в пользу обратного. Вместо того чтобы заставлять нас выбирать между изолированными дисциплинами (что является одной крайностью) и тотальной трансдисциплинарностью (что утопично), быть может, следует балансировать между этими полярностями, признавая плюсы и минусы обоих подходов¹⁷?

В то время как размышления о дисциплине, несомненно, могут быть полезны, им нельзя позволить деградировать в сторону риторических и идеологических споров, отвлекая ученых от их непосредственного призвания, а именно занятий эмпирической социологией. Тем не менее, немало трудов написано об эмпирических и исторических аспектах канадской социологии. Рик Хельмс-Хейс недавно нашел корни канадской социологии в теологии начала XX века¹⁸, а Брюс Кёртис пошел еще дальше, связав развитие социальных наук с государствообразующими процессами XIX века¹⁹. Новые количественные исследования демонстрируют меняющиеся паттерны работы и найма социологов²⁰ в Канаде и за границей и показывают потрясающее эпистемологическое разнообразие²¹ и характер эволюционных изменений дисциплины. В течение последнего десятилетия проходила теоретическая конвергенция вокруг работ Пьера Бурдьё, теоретика и исследователя, помогающего навести мосты между нашими англо- и франкоязычными сообществами²². В будущем хотелось бы увидеть больше эмпирических дебатов о «социологии социологии», меньше нарциссической и больше эмпирической институциональной рефлексии.

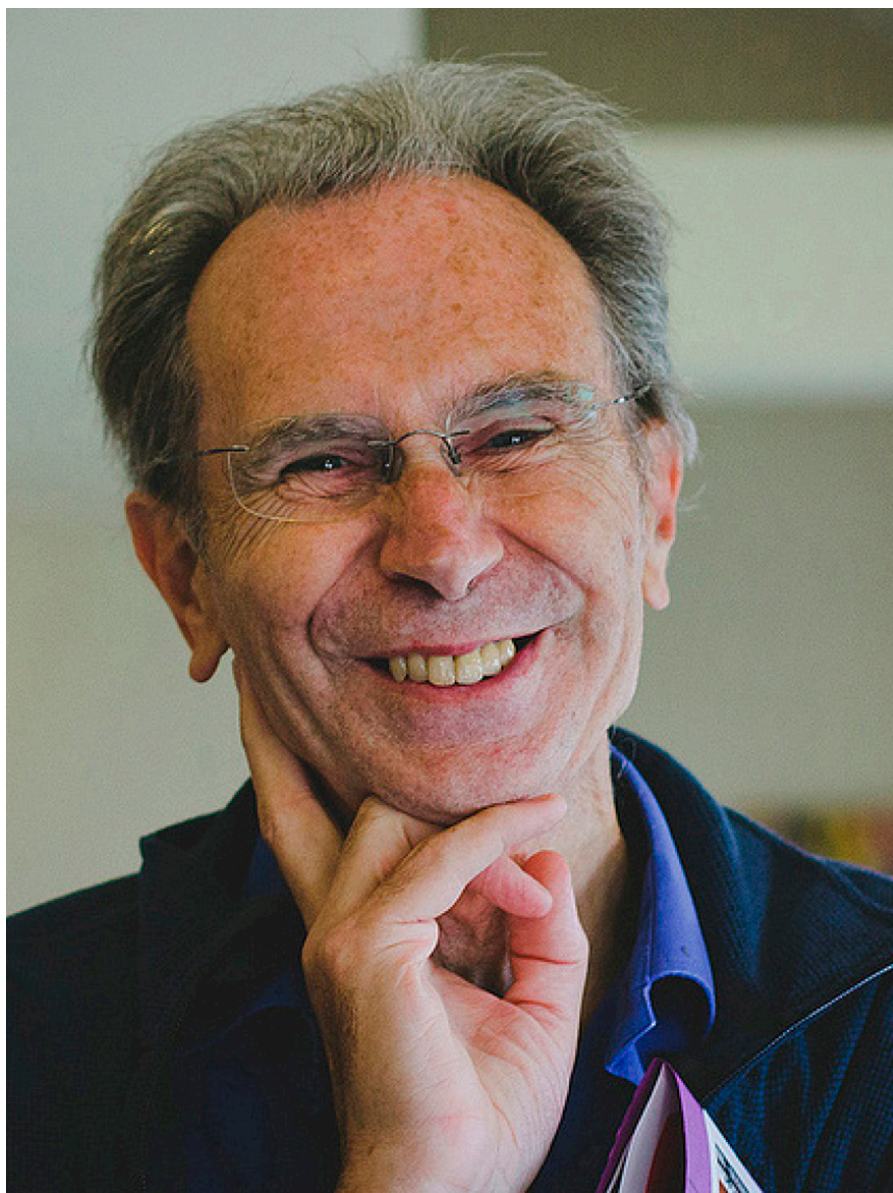
Хотя канадские «социологические войны» не обошлись без травм (что-то самолюбие было, несомненно, задето), в целом у них нельзя отнять конструктивности. Этаблированные социологи приняли в них участие и помогли повысить интерес к дисциплине среди молодых специалистов. Посещаемость на наших встречах повысилась, чему, несомненно, способствовало создание исследовательских кластеров, вдохновленных Международной социологической ассоциацией. Повысилось число встреч, проводимых на французском языке, и родным языком редактора журнала *Canadian Review of Sociology* Франсуа Депельто является французский. Ассоциация может гордиться возрождением феминистской социологии, которую вдохновили Дороти Смит и канадские социалистические феминистки. Далее, новая исследовательская повестка, подчеркивающая деколонизацию и примирение с коренным населением, включает сразу несколько направлений, где могли бы пригодиться работы публичных социологов.

Канадская социологическая ассоциация приглашает социологов со всех концов света на Всемирном социологическом конгрессе в Торонто в 2018 году. Мы с нетерпением ждем участия в диалоге о том, как лучше понять наши разнообразные национальные социологические дисциплины и хотим учиться друг у друга в широком сравнительном контексте. ■

Корреспонденцию присылайте Нилу Маклафлину на адрес ngmclaughlin@gmail.com

- ¹ Curtis, B. and Weir, L. (2002) "The Succession Question in English Canadian Sociology." *Society/Société*, 26, 3.
- ² Brym, R. (2003) "The Decline of the Canadian Sociology and Anthropology Association." *Canadian Journal of Sociology*, 28(3): 411-416.
- ³ McLaughlin, N. (2005) "Canada's Impossible Science: Historical and Institutional Origins of the Coming Crisis in Anglo-Canadian Sociology." *Canadian Journal of Sociology*, 30(1): 1-40.
- ⁴ O'Malley, P. and Hunt, A. (2013) "Does Sociology Need to be Disciplined?" *Society/Société*, 27(1).
- ⁵ See volumes 30(4) and 31(1) in the *Canadian Journal of Sociology* for the main comments on McLaughlin's "crisis" article, and his reply (2005-06).
- ⁶ Warren, J-P (2006) "Sociologizing Alone? Is Anglo-Canadian Sociology really Facing a Crisis?" *Canadian Journal of Sociology*, 31(3): 91-105.
- ⁷ Cormier, J. (2002) "Nationalism, Activism, and Canadian Sociology." *The American Sociologist*, 33(1): 12-41.
- ⁸ Warren, J-P (2014) "The end of National Sociological Traditions? The Fates of Sociology in English Canada and French Quebec in a Globalized Field of Science." *International Journal of Canadian Studies*, 50: 87-108.
- ⁹ Mathews, R. (2014) "Committing Canadian Sociology: Developing a Canadian Sociology and a Sociology of Canada." *Canadian Review of Sociology*, 51(2): 107-127.
- ¹⁰ Burawoy, M. (2005) "2004 Presidential Address: For Public Sociology." *American Sociological Review*, 70: 4-28.
- ¹¹ See a special issue on this, edited by Rick Helmes-Hayes, and Neil McLaughlin (2009) "Public Sociology in Canada: Debates, Research, and Historical Context." *Canadian Journal of Sociology*, 34(3): 573-600.
- ¹² Davies, S. (2009) "Drifting Apart? The Institutional Dynamics awaiting Public Sociology in Canada." *Canadian Journal of Sociology*, 34(3): 623-654.
- ¹³ Creese, G., McLaren, A. and Pulkingham, J. (2009) "Re-thinking Burawoy: Reflections from Canadian Feminist Sociology." *Canadian Journal of Sociology*, 34(3): 601-622.
- ¹⁴ Carroll, W. (2013) "Discipline, Field, Nexus: Re-visioning Sociology." *Canadian Review of Sociology*, 50(1): 1-26.
- ¹⁵ Jacobs, J. (2013) *In Defense of Disciplines*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- ¹⁶ Curtis, B. (2016) "The Missing Memory of Canadian Sociology: Reflexive Government and the Social Science." *Canadian Review of Sociology*, 53(2): 203-225.
- ¹⁷ Puddephatt, A. and McLaughlin, N. (2015) "Critical Nexus or Pluralist Discipline? Institutional Ambivalence and the Future of Canadian Sociology." *Canadian Review of Sociology*, 52(3): 310-332.
- ¹⁸ Helmes-Hayes, R. (2016) "Building the New Jerusalem in Canada's Green and Pleasant Land: The Social Gospel and the Roots of English-Language Academic Sociology in Canada, 1889-1921." *Canadian Journal of Sociology*, 41(1): 1-52.
- ¹⁹ Curtis, B. (2016), *ibid*.
- ²⁰ Warren, J-P (2014), *ibid*.
- ²¹ See Joseph Michalski, "The Epistemological Diversity of Canadian Sociology." Forthcoming in *Canadian Journal of Sociology*.
- ²² Stokes, A. and McLevey, J. (2016) "From Porter to Bourdieu: The Evolving Specialist Structure of English Canadian Sociology." *Canadian Review of Sociology*, 53(2): 176-202.

> Вспоминная Джона Урри

Джон Урри.

Если вы знаете человека в течение достаточно длительного времени, становится трудно отделить его личность от его работы. Возможно, лучше даже не пытаться это сделать. Джон Урри внес неоценимый вклад в социальную науку не только своими публикациями, но и примером жизни настоящего ученого.

Он показал, что для того, чтобы быть эффективным исследователем или педагогом, нет никакой необходимости пытаться доминировать, культивировать «грозный» образ или вырабатывать сложный стиль письма. Он был полностью свободен от каких-либо забот о своем статусе; за непринужденной, добродушной манерой общения скрывался острый критический ум и необыкновенный аппетит к работе. Он был более заинтересован в том, чтобы строить, чем в том, чтобы разрушать; его критика никогда не была унижительной: он умел выразить несогласие не обидев человека, и всегда был прямолинеен, как на письме, так и при личном общении. Особенно хорошо ему удавалось вдохновлять молодых ученых, увлекая за собой в свое научное путешествие или же помогая им найти собственный путь.

Джон обожал узнавать новое, и было заметно, какое великое интеллектуальное удовольствие он получал от того, что открывал мир социологии с новой стороны, или находил новые способы осмысления пространства, времени, неорганизо-

ванного капитализма, туризма, природы, мобильности, климатических изменений, или даже таких узких вопросов, как социальные последствия 3D-печати. Он не испытывал пietetа в отношении основателей социологии, но всегда был открыт к теоретическим концепциям, способным пролить свет на темы, интересовавшие непосредственного его самого, вне зависимости от их происхождения. Он нередко замечал социальные изменения, которые не открывались глазам социологов, сильнее привязанных к мейнстримной исследовательской повестке, будь то туризм, мобильность или офшоринг. По его мнению, социальную теорию следовало использовать и совершенствовать посредством приложения к новым темам.

Я теряюсь, когда размышляю, с чего начать рассказ о широте его вклада в социологию, когда пространство статьи настолько ограничено. И потому я бы хотел прокомментировать лишь два периода его жизни: один – в начале карьеры, другой – на ее закате. Я впервые столкнулся с его работой в середине 1970х, когда оказалось, что у нас совпадают некоторые интересы (критический реализм, политическая экономия, социальная теория). Как многие из тех, кто когда-то занимался социальной географией, я искал, как подступить к социальной теории. Джон, напротив, обращался к той методологии, от которой отталкивался я. Работа Грегори и Урри «Социальные отношения и пространственные структуры» (*Social Relations and Spatial Structure*) посвящена теоретическим последствиям этого столкновения, и впоследствии в

своей карьере, особенно когда он занимался вопросами локальностей, мобильностей и офшоринга, Джон продолжал переосмысление взаимоотношений пространства и общества.

В конце 70-х и начале 80-х большая часть британской социальной науки прошла через марксистскую радикализацию. Джон был одним из тех, чья вовлеченность в процесс была открытой, не догматичной и плодотворной. В то время Конференция экономистов-социалистов предоставляла пространство для обсуждения радикальных исследований и широкого спектра релевантных тем. На регулярные семинары выходного дня слетались исследователи и активисты со всей страны. На одном из таких семинаров, посвященном регионализму, я и познакомился с Джоном. «Ланкастерская группа по регионализму» была одной из нескольких исследовательских групп в Великобритании, использовавших радикальную теорию для изучения социальных процессов на местах. Эти «исследования локальностей» проходили на фоне непрекращающихся дебатов о том, как менялся капитализм. Многие характеризовали новую эру как пост-фордистскую. Хотя сейчас мы видим, что этот поворот был отвлечением от более значимых изменений – таких как финансовая либерализация и неолиберализм – Джон и его коллега Скотт Лэш объединили теоретические и эмпирические исследования, опубликовав новые оригинальные работы, посвященные меняющемуся лицу капитализма – «Конец организованного капитализма» (*The End of Organized*

Capitalism) и «Экономика знаков и пространства» (*Economies of Signs and Space*).

В последние пять лет своей жизни Джон Урри опубликовал – среди прочего! – три книги, исследующие кластер проблем, связанных с изменением климата, ресурсами и обществом: «Изменение климата и общество» (*Climate Change and Society*), «Общество за пределами нефти» (*Societies Beyond Oil*) и «Офшоринг» (*Offshoring*). Как отмечает Скотт Лэш, Джон всегда был особенно заинтересован в социальном будущем, а недавно он помог основать новый Институт социального будущего в Ланкастерском университете.

Изменение климата, несомненно, представляет собой крупнейшую проблему, с которой на данный момент столкнулось человеческое общество. Хотя многие последние работы, посвященные будущему капитализма и общества, едва упоминают глобальное потепление, Джон был одним из первых социальных ученых, признавших важность углеродов в развитии модерности, и начавших осмысливать последствия изменения климата для повседневной жизни. В то время как большинство из нас продвигаются со своими исследованиями, постоянно поглядывая в зеркало заднего вида и изучая прошлое, Джон смотрел вперед. Он видел возможность создания других миров – лучших или худших – и показывал, как социальные ученые могут и должны осмыслить их и вынести им оценку. Я надеюсь, что в эти опасные времена мне чаще будет удаваться следовать примеру Джона. ■

Эндрю Сэйер, Ланкастерский университет,
Великобритания

> Джон Урри — социолог будущего

Собрание директоров Института
социального будущего, Ланкастер, 2015 г.

Джон Урри, недавно покинувший этот свет, был одним из наиболее цитируемых социологов Великобритании. Из-под его пера вышло около 20 книг, многие из которых оказали значительное влияние на дисциплину. Окончив Кембриджский университет, Джон всю жизнь работал в Ланкастерском университете, где мы с ним были коллегами с 1977 по 1998 год. Мы вместе написали две книги – «Конец организованного капитализма» (*The End of Organized Capitalism*, 1987) и «Экономика знаков и пространства» (*Economies of Signs and Space*, 1994). Обе книги посвящены будущему. Во многих смыслах Джон был футурологом.

Во время учебы в Кембриджской аспирантуре Джон и Боб Джессоп посещали семинар Джона Данна о революциях, организованный под влиянием, в том числе, идей Квентина Скиннера, главного мирового специалиста по Гоббсу. Революции с их эсхатологическим измерением всегда в некотором роде нахо-

дятся в будущем. Идеи Гоббса во многом релевантны проблематике государственной власти. Возможно, эти влияния – теории революции и государства – наделили Джона особым чутьем в отношении реалий государственной власти.

В 1975 году Джон и Рассел Кит написали книгу «Социальная теория как наука» (*Social Theory as Science*), посвященную социологической эпистемологии в рамках выраженного «реализма». «Реальное» – это не то, с чем сталкиваются социальные агенты. Реальное – это глубинные структуры, определяющие социальные отношения. Это был социологический структурализм, испытавший на себе глубокое влияние марксистского структурализма 1970-х, в особенности идей Альтюссера. Но если марксистский структурализм проповедовал зависимость надстройки от экономического базиса, структурализм Урри подразумевал намного более широкий набор социальных структур, в том числе такое понятие как структурная причинно-след-

ственная связь, которая не только определяет повседневный эмпирический опыт, но и является движущей силой социальных изменений и позволяет составить представление о социальных отношениях будущего общества.

Обе книги получили положительные отзывы и часто цитировались. Они оказали влияние на Дэвида Харви и Мануэля Кастельса (хотя, впрочем, и написаны были не без их влияния). В работе «Конец организованного капитализма» мы обсуждали накопление капитала, но также сформулировали тезис о том, что новая фаза капитализма более не управляется социальной и институциональной организацией, а, напротив, характеризуется социальной фрагментацией. Джон и я подошли к описанию этого феномена с несколько разных позиций.

Я рассматривал капиталистическую дезорганизацию как распад системы централизованных переговоров между профсоюзами и

предпринимателями. Джон рассматривал фазу, в которую капитализм вошел после 1980 года, в категориях движения и потоков, а также, обращая внимание на темпоральные изменения, ориентацию на будущее вместо прошлого или даже настоящего. Итак, книга включала в себя главы Джона, посвященные вопросам времени и движению людей в контексте развития туризма. Эти тезисы затем были развиты в полной мере в книге Джона «Туристический взгляд» (*The Tourist Gaze*), которая в некотором роде положила начало социологии туризма.

В конце 1980-х гг. под редакцией Джона и Дерека Грегори вышла книга «Социальные отношения и пространственная структура» (*Social Relations and Spatial Structure*). Ключевой фигурой проекта была Дорин Мэсси, разработавшая идею «реструктуризации», включающей в себя трансформацию «цепочек создания стоимости». Цепочка создания стоимости прослеживает источник производства товара и обнаруживает, например, что он произведен из южноамериканского сырья, затем рассматривает его трансформации на промышленном предприятии, например, в Мексике, а затем маркетинг и дистрибуцию в Европе или США. Эти цепочки создания стоимости все сильнее

растягиваются, соединяя все более отдаленные места в пространстве и времени. Они предоставляют нам эмпирический пример того, что Гидденс называл «пространственно-временной дистанциацией», а Харви – «пространственно-временным сжатием».

Эта книга была предшественницей более полной социологии глобальных потоков, которой была посвящена наша книга «Экономика знаков и пространства». Кастельс уже начал обсуждать переход от предыдущего общества структур к новому глобализованному обществу «потоков», под которыми подразумевался широкий спектр: потоки капитала, потоки трудовой мобильности, товаров и благ, экологических ядов, «плохого», информации и коммуникации.

Джон развил эту идею и положил начало «социологии мобильностей», превратившейся в основную тему его исследований с конца 90х и до самой смерти. Его особенно интересовало, каким образом люди «перетекают» из одного места в другое как туристы. При этом каждая его книга включает главу об «автомобильностях», и читать эти главы, несомненно, стоит. В них мы видим мир глазами автомобиля, в технологическом смысле.

Затем Джон написал серию книг об изменении климата, возвращаясь к теме мобильностей и потоков «плохого». Этот поворот совпал с очевидным поворотом влево политических взглядов Джона. Я всегда был более левым, чем Джон, но начиная примерно с 2010 года, он стал более критично относиться к капитализму (что видно, например, в недавней книге «Практики офшора»). Я помню конференцию Исследовательского совета Великобритании в Шанхае, со-организатором которой я был, и на которую были приглашены социологи и несколько экономистов. Здесь был известный экономист из Франции, нелиберал и климатический скептик. Джон, которому было значительно за 60, начал спорить с ним со страстью 25-летнего.

Джон был социологом будущего. Я встретил его, когда нам обоим было около 30 лет. В течение последующих двух десятилетий мы были коллегами, и еще дольше – лучшими друзьями. Сильвия Уолби, партнерша Джона все эти годы, сказала, что Джон считал меня носителем своего рода инстинктивного разума, чья энергия постоянно грозит вырваться из-под контроля. Я в неоплатном долгу перед Джоном, потому что он смог структурировать мою неумную энергию. Я скучаю по нему. Всем нам будет его не хватать. ■

Скотт Лэш, Лондонский университет,
Великобритания

> Джон Урри

Больше, чем социолог для социологов

Конференция «Низкоуглеродные инновации» (Low-Carbon Innovation), Шэньчжэнь, Китай, 2016 г.

Внезапная смерть Джона Урри поразила его семью, друзей и коллег. Мы с Джоном познакомились и подружились в аспирантуре Кембриджского университета, где учились в 1967-1970 гг. и где оказалось, что у нас общие не только научные руководители, но и интересы. В дальнейшем мы тесно общались, участвуя в конференциях Общества Социалистических экономистов и в работе разнообразных социологических съездов. Вновь мы стали работать вместе в 1990 году, когда меня назначили деканом факультета социологии в Ланкастерском университете.

Джон Урри получил высшее образование по экономике и политическим наукам в Колледже Христа в Кембридже, где среди прочих ему преподавал Джеймс Мид, впоследствии удостоенный Нобелевской премии. В те годы работы Кейнса все еще всерьез воспринимались в Кембридже, а неортодоксальные экономические подходы развивались в рамках политэкономики. Затем Джон поступил в аспирантуру на факультете экономики и политики (в то время в Кембридже еще не было факультета социальных и политических наук), где работал над диссертацией, посвященной относительной депривации и революции, при поддержке исследовательской стипендии Британского исследовательского совета по социальным наукам. Это было задолго до того, как сэр Кит Джозеф, могущественный госсекретарь г-жи Тэтчер по вопросам образования и науки, обиделся на социологов за то, что они в пух и прах раскритиковали его теорию циклической культурной депривации и бедности семьи. В ответ на критику он безапелляционно заявил, что соци-

ология вовсе не является наукой, и предложил переименовать Исследовательский совет по социальным наукам в Исследовательский совет по экономике и социальным наукам. Много лет спустя Джон стал председателем национального Сообщества профессоров и деканов факультетов социологии (1989-1992) и глубоко погрузился в защиту социальных наук от подобных нападок. В 1999 году он помог основать Британскую национальную академию исследователей, научных сообществ и практиков общественных наук (с тех пор переименованную в Академию общественных наук).

В 1979 году после защиты диссертации Джон начал чтение лекций по социологии в Ланкастере. За 46 лет непрерывной работы он внес немалый вклад в создание сильной и гибкой исследовательской культуры факультета, как своей собственной работой, так и посредством институционального строительства в университете. Тогда, в 70-е, на пике технологической революции, левая мысль колоссальным образом влияла на университеты. Теперь времена изменились. Требования к научным сотрудникам и исследователям значительно выросли. Несмотря на это, Джон через всю жизнь пронес любовь к знаниям и исследовательский интерес к социальным изменениям. Он испытывал нескрываемое интеллектуальное удовольствие, обращаясь к новым темам и развивая новые способы их осмысления. Горизонт его исследовательских интересов включал такие разнообразные предметы, как власть, социальная теория, пространство, время, локализм и регионализм, дезорганизованный капитализм, отдых и туризм, природу и экологию, мобильности, слож-

ности глобального общества, использование энергии и изменения климата, городской дизайн, социальные последствия 3D-печати, а также, в последнее время, вопросы будущего. Его интересы подтолкнули его к идее создания Ланкастерского Института социального будущего.

Скотт Лэш и Эндрю Сэйер, прощаясь с Джоном, рассказали о его текстах, послуживших для них источником вдохновения. Моя любимая книга Джона – строгая и всеобъемлющая работа «Социальная структура как наука» (Social Theory as Science), написанная им в соавторстве с Расселом Китом в 1975 году и переизданная в 2015. Она консолидировала его теоретическую позицию, сложившуюся к тому моменту, и вдохновила мою работу по философии социальных наук. Желая всегда оставаться на острие постоянно меняющихся теоретических и субстантивных дебатов, Джон много читал и всегда задавал вопросы об их интеллектуальной добавленной стоимости, о том, какие новые прозрения они могут принести, какие аномалии и новые феномены они раскрывают, и к чему они могут привести. У него были невероятно широкие интересы, включавшие связи с естественно-научными дисциплинами, и отражавшие сильный «пост-дисциплинарный» подход, характеризующий Ланкастерский факультет социологии. Это был ключевой фактор его способности примирять дисциплины, парадигмы, эпистемологические сообщества, а в общении с множеством студентов и ученых никогда не вести себя недемократично и догматично, напротив, вдохновляя их на поиск собственных интересов и проектов, подсказывая разнообразные идеи, делаясь своим интеллектуальным капиталом (который, впрочем, от этих интеракций возобновлялся и расширялся).

Есть немало способов стать выдающимся социологом. Джон достиг успехов в большинстве из них. Но он никогда не стремился к славе, путь к которой лежит через преклонение перед властью или жертву интеллектуальной чистотности. Он был верен своим идеям и критическому взгляду, неизменно предоставляя ощутимую поддержку своим студентам и коллегам. Если вспомнить классификацию организационных идентичностей, предложенную

Алвином Гоулднером, он был, несомненно, жестким «космополитом», активно участвовавшим в глобальном интеллектуальном обмене. Его интересы и проекты охватывали природный и социальный миры, а его влияние распространялось на весь мир благодаря личным сетям и вовлеченности в актуальные академические дебаты.

Джон был «социологом для социологов», знающим и уважающим наше ремесло, но стремящимся к его развитию. Он был известен инновационными подходами и непреходящей готовностью защищать дисциплину перед лицом политиков. Но он отличался и неугасающим интеллектуальным духом – противоположностью профессионального социолога-карьериста с узконаправленным проектом, идеально вписывающимся в дисциплину с четко обозначенными границами. Его неограниченное любопытство создало мобильную жизнь, связав разнообразные поля и придав энергию его исследовательским инициативам и политическим дискуссиям. Действительно, Джон находился в форварде теоретических, эмпирических и прикладных исследований в социальных науках, быстро реагируя на изменения социальных трендов и непрерывно разрабатывая инновационные подходы. Масштабы его достижений – число опубликованных текстов, проектов, в которых он участвовал и которые организовывал, международных сетей, созданных им, – поражают всякое воображение. Он сделал удивительно много для продвижения и защиты социальных наук. И всего этого Джону удавалось достичь, не теряя своего мягкого, открытого и дружеского стиля общения.

Джон, несомненно, был героем мысли и верил, подобно Райту Миллсу (автору классического текста 1959 года, «Социологическое воображение»), что значительно важнее сказать что-то важное, рискуя ошибиться, чем никогда не ошибаться вновь и вновь повторяя банальности. В последние годы он стал уделять больше внимание своей роли публичного интеллектуала, охотно вступая в дебаты на темы, релевантные будущему человечества и планеты. Но важнее всего то, что он был отличным товарищем. Его влияние будет всегда значимо для тех социологов, которых вдохновляет его пример. ■

Боб Джессоп, Ланкастерский университет,
Великобритания

> Близость и мобильность

Вспоминая Джона Урри

Конференция на тему «Города будущего: умные или счастливые?» Ланкастер, 2016 г.

Британский социолог Джон Урри трагически покинул нас в марте 2016г., как раз когда мы праздновали выпуск нашей совместной статьи «Мобилизуя парадигму новых мобильностей» в новом журнале *Applied Mobilities* - статьи, в которой мы оценивали влияние парадигмы мобильности на общественные науки в течение последнего десятилетия. Мы также как раз к этому времени написали половину совместного эссе в журнал *Current Sociology*, в котором обсуждались взаимоотношения «поворота мобильностей» и «пространственного поворота». Я считаю, что мне невероятно повезло иметь возможность обсуждать с Джоном истоки его рассуждений о пространстве и мобильности, и их отношениях с социологической дисциплиной.

Я начала работать на социологическом факультете Ланкастерского университета в 1998 году, частично потому, что там был Джон. Благодаря его способности создавать атмосферу успешного сотрудничества и трансдисциплинарности, множество аспирантов, исследователей-стажеров и молодых преподавателей приезжали в северо-западную Англию, чтобы работать с ним вместе. Написав в соавторстве несколько статей, посвященных теме мобильностей, мы вместе основали Центр исследования мобильности в Ланкастере в 2003 году. В течение последующих лет мы провели первую Конференцию, посвященную будущему альтернативных мобильностей, основали журнал «Мобильности» вместе с Кевином Хэннамом, совместно редактировали тематические выпуски журналов

Environment and Planning A и *Mobile Technologies of the City*, посвященные новым видам материальности и мобильности. В этом потоке деятельности по становлению новой социологической парадигмы мы делали сильный упор на осмысление социальной реальности через призму пространственного измерения, стирали дисциплинарные границы, изучали материальности и темпоральности, выходили за пределы «оседлых» национальных или общественных рамок. Мы также изучали, могут ли «мобильности» открыть нам путь к иной социальной науке: более открытой, более широкой, более приспособленной к другим научным сферам, более жизнеспособной.

Я невероятно благодарна Джону за один из наших последних разго-

воров, в котором он рассказал мне о корнях своего интереса к мобильностям и пространственному повороту в социальной теории. Он вспоминал, как начинался этот интерес, пробужденный работой Лефевра *Le production de l'espace* (1974), подогретый британской дискуссией, начатой другим выдающимся теоретиком, недавно трагически покинувшим нас, Дорин Мэсси. В своей книге «Пространственное разделение труда» (*Spatial Divisions of Labour*) (1984) Дорин проводит анализ комплексного и многообразного перемещения капитала в пространстве и вытекающих из этого форм осаждения капитала в различных местах. Вслед за этой книгой год спустя вышел труд Грегори и Урри «Общественные отношения и пространственные структуры» (*Social Relations and Spatial Structures*), в котором сводились вместе географические и социологические размышления Харви, Гидденса, Мэсси, Преда, Сэйера, Сои и Трифта. Эта коллективная монография стала предпосылкой поворота Джона к тому, что он назвал «досуговые перемещения людей в пространстве», концепции, получившей развитие в книге «Туристический взгляд» (*The Tourist Gaze*, 1990), а также к исследованию множественности мобильностей и их пространственным последствиям, которые рассматривались в книгах Лэша и Урри «Конец организованного капитализма» (*The End of Organized Capitalism*, 1987) и «Экономика знаков и пространства» (*Economies of Signs and Space*, 1994). Более ранняя книга Джона «Социальная теория как наука» (*Social Theory as Science*, 1975), написанная в соавторстве с Расселом Китом, а также «Анатомия капиталистических обществ» (*The Anatomy of Capitalist Societies*, 1981) также были важными шагами в этом направлении исследований и заложили фундамент для дальнейшего его развития.

К середине 1990-х годов теоретизация пространства в категориях «потоков» и «сетей» приобрела особое значение после выхода в 1996 году трилогии Кастельса «Сетевое общество» (*Network Society*), и к началу нового тысячелетия понятие «мобильности» было признано как одно из ключевых. Книга Урри «Социология за пределами отдельных обществ» (*Sociology Beyond Societies*) помогла консолидировать внимание к мобильностям как к ключевой концепции в рамках формирующейся пространственной социальной науки, или «социологии мобильностей» - подхода, который становится все более влиятельным на протяжении последних пятнадцати лет, по крайней мере, за пределами США.

Этот поворот к исследованию мобильностей совпал с основанием таких журналов, как *Environment and Planning D: Society and Space* и *Theory, Culture and Society*. В это же время, в начале 80-х гг., было основано издательство Polity Press. Джон описывал эти публикации как часть программы по развитию постдисциплинарной социальной науки и социальной теории в ответ на нападки правительства Тэтчер на университеты, и в особенности на сворачивание университетских программ по социальным наукам.

Джон также считал свою работу оппозиционной по отношению к американской социальной науке и «британскому эмпиризму». С моей точки зрения (а я нахожусь в США), антипозитивистский и критический теоретический подход в работе Джона Урри объясняет очевидное нежелание Американской социологической ассоциации и многих мейнстримных социологических факультетов в США воспринимать новую парадигму мобильностей – теоретический подход, который я считаю чрезвычайно пло-

дотворным для развития критической вовлеченной постдисциплинарной социальной науки.

Несмотря на кажущееся высокомерие (ведь он объявил об основании «новой парадигмы»), Джон был человеком скромным до самоуничтожения и ни в коем разе не афишировал своих личных достижений. Его позиция была предельно анти-элитистской и анти-неолиберальной, что было крайне очевидно в его повседневных взаимодействиях и символически проявлялось в его вездесущей монокромной рабочей униформе (обычно синей хлопковой рубашке, синем пиджаке и брюках, всегда с открытым воротом и без галстука). Он был по сути своей эгалитарен и с сомнением относился к особым притязаниям, иерархиям или стремлениям к повышению статуса. Он приветствовал студентов и посетителей со всего мира открытой дружеской улыбкой, и за его столом всегда находилось место для всех.

Джон Урри создал новый тип социологии мобильностей, области социального знания, простирающейся за пределы дисциплин, открывающей новые формы интеллектуальных формаций и позволяющей социологии стать по-новому релевантной в глобальном мире, так как она занимается ключевыми общественными проблемами – климатическими изменениями, добычей ресурсов, теневой экономикой. Новая парадигма мобильности и более крупный корпус работ Урри продолжает контрастировать с количественной эмпиристской традицией американских и британских социальных наук и бороться с иерархиями факультетов, профессиональных ассоциаций, а также с дисциплинарным изоляционизмом неолиберальных университетов. Социологии было бы неплохо продолжить движение в направлении, заданном Джоном Урри. ■

Мими Шеллер, Дрексельский университет, США

> Студенческие кампании против сексуального насилия

Ана Виду, Барселонский университет, член ИК МСА по вопросам экономики и общества (RC02), **Тинка Шуберт**, Университет Лойолы в Андалузии, член ИК МСА по вопросам женщин в обществе (RC32)¹

Иллюстрация Арбу.

Университет Калифорнии в Беркли издавна находится в самом центре дебатов о сексуальных домогательствах и насилии на кампусах – не потому, что отличается особо высоким числом подобных случаев, а в силу того, каким образом на такие случаи реагировало университетское сообщество. К сожалению, эта проблема широко распространена в большинстве университетов. Университет Беркли известен необычайно активной студенческой мобилизацией по борьбе с сексуальными домогательствами – и это движение находит отклик и в других университетах.

Именно в Беркли впервые зародилась традиция студенческих протестов против гендерного насилия на кампусе, превратив этот университет в лидера общественного движения. Вопрос впервые был поднят, когда в конце 70х студенты-социологи сформировали группу «Женщины против сексуальных домогательств» (*Women Organized Against Sexual Harassment, WOASH*), в которую вошли те, кто решил выступить на стороне тринадцати студентов, написавших жалобу

на домогательства со стороны профессора социологии. Эта акция, одна из первых в своем роде, помогла нарушить молчание о гендерном насилии в сфере высшего образования в США и положить начало борьбе с сексуальными домогательствами и нападениями в университетах.

Федеральный иск 1979 года, который группа WOASH подала против университета, представляет собой один из первых случаев, когда американское законодательство против дискриминации по половому признаку в образовании (так называемый Закон 9, или Title IX) было использовано как законодательная рамка в борьбе против нападений на сексуальной почве в академии. Но WOASH не остановилась на этом. Через два года она выпустила первые брошюры для первокурсников, помогающие распознать сексуальные домогательства и содержащие описание действий, которые не сойдут с рук в университете, а также советы жертвам о том, где искать поддержки и куда жаловаться в случае неприемлемого поведения.

>>

К началу 90-х число жалоб, правил, ресурсов для переживших насилие, а также количество административного персонала, нанятого для борьбы с домогательствами на кампусах, значительно выросло. В 2003 году формула «Нет, значит, нет» была включена в «Уголовный акт о сексуальных нападениях» (*Criminal Sexual Assault Act*), чтобы таким образом закрепить понимание «согласия» как необходимого условия для сексуальных действий.

В начале 2010-х новая когорта студенческих активистов по всей стране заявила, что университеты не принимают жалобы жертв домогательства всерьез, тем самым нарушая положения Закона 9. Теперь иски подавались уже против американских университетов и содержали обвинения в том, что последние отказываются в адекватной мере защитить студентов против сексуального насилия. В 2013 году Законодательное собрание штата Калифорния поручило университету Беркли пересмотреть политику в отношении сексуальных домогательств и нападения. Через год, в 2014-м, студенты запустили кампанию за введение на кампусах закона о согласии «Да значит да», требуя необходимости аффирмативного, сознательного и добровольного согласия в рамках любого сексуального контакта, а также признания того, что жертва не всегда может сказать «Нет».

В 2015 году студенческая активность возросла беспрецедентно, активисты получили поддержку со стороны университетского сообщества, призывая всех членов университетских сообществ к участию в борьбе против гендерного насилия. Совсем недавно давление со стороны преподавателей и работников факультета заставило известного профессора астрономии в Беркли и кандидата в нобелевские лауреаты сложить полномочия после обвинений в сексуальных домогательствах, озвученных еще много лет назад. Вскоре после этого случая Университет Калифорнии создал комитет по расследованию университетских процедур рассмотрения жалоб против преподавателей, обвиняемых в сексуальных домогательствах.

Борьба с сексуальным насилием в американских университетах включает в себя как коллективные акции, так и определенные юридические изменения. Протесты WOASH 1979 года стали ключевыми для создания контекста и прецедента: изменения стали возможны благодаря тому, что студенты подали коллективную жалобу против виновников, а также против университета, проявляющего толерантность по отношению к виновным в сексуальных домогательствах и нападениях. Эти протесты помогли изменить культуру отношений на кампусе, повысить в обществе уровень осведомленности о проблеме, создать культуру уважения и нулевой толерантности по отношению к сексуальным домогательствам со стороны любого сотрудника университета. Сексуальные нападения на университетских кампусах теперь признаются проблемой всего сообщества, и это важное изменение означает, что те, кто пережил насилие, теперь могут опираться как на формальные, так и на неформальные механизмы в поиске справедливости.

Студенты-активисты Беркли продолжают работать с этой проблемой и совершенствовать политику в отношении сексуальных домогательств. Эта тенденция проявляется в дискуссиях, проходящих на кампусе: на информационных стендах у главного входа в университетский городок, студенты публикуют свои мнения о разнообразных проблемах своей жизни. Даже сидя в автобусе, направляющемся в Беркли, можно услышать разговоры о сексуальных домогательствах. На кампусе рядом с главным административным зданием студенты протестуют и устраивают «выставки» футболки, расписанные различными слоганами против гендерного наси-

лия. Лекции о сексуальном насилии – обычное событие на кампусе, а студенческая газета публикует на первой же странице новости о гендерном насилии в студенческом городке.

В США разворачивается кампания против сексуальных домогательств, в рамках которой проходят общенациональные и локальные конференции. Создана национальная ассоциация по борьбе с этим явлением. Одна из кампаний включала в себя акцию «Остановите изнасилования на кампусе», организованную активистами и женщинами, пережившими сексуальное насилие. Другие инициативы включают в себя участие в программах «Взгляд на сексуальные домогательства» на калифорнийском телевидении, документальный фильм «Охотничьи угодья», а также обсуждение тематики в книгах и художественной литературе (например, роман «Снова и снова»). Что касается политической сферы, американское правительство запустило сайт «Не в одиночку, а вместе против сексуальных нападения», публикующий ресурсы, данные, законы и другую полезную информацию для школ, студентов и всех заинтересованных лиц. Белый дом и Национальный совет кампусов популяризировали кампанию «Мы поможем», чтобы повысить осведомленность и предотвратить сексуальное насилие. Правительство обещает помощь потенциальным жертвам, принимает активное участие в решении проблемы, а не уклоняется от нее. Кампания «Мы поможем» стремится к изменению культуры в отношении сексуальных домогательств на кампусах и стремится обеспечить каждую жертву поддержкой, которую она заслуживает.

Действия, предпринятые студентами в Беркли, а также в других американских университетах, не только изменили институциональную реакцию на сексуальные домогательства, но также оказали влияние на студенческую мобилизацию по всему миру. Как уже упоминалось, сильные сети солидарности между пережившими сексуальное насилие – ключевой фактор, значительно повышающий шансы кампании на успех во всем мире. Например, в течение последних лет в Испании также развернулись студенческие кампании против сексуального насилия, несмотря на культуру молчания, насаждаемую феодальными структурами, и опасность отмищения со стороны насильников. Сеть солидарности жертв гендерного насилия в университетах поддерживает движение по всей Испании. Однако даже в нынешние времена в этой борьбе участвует совсем немного преподавателей, поскольку в противном случае они могут столкнуться с серьезными проблемами. Сеть солидарности была создана активистами и жертвами сексуальных домогательств, подавших жалобу на университетского профессора. Столкнувшись с отсутствием институциональной реакции, активисты решили взять дело в свои руки, мобилизоваться, сообщить о случае в СМИ, а также начать предоставлять поддержку студентам, столкнувшимся с подобными ситуациями. Министерство здравоохранения, социальных услуг и равенства Испании через некоторое время признало сеть солидарности «переходным опытом».

Общественное движение студентов США, направленное на борьбу против гендерного насилия, стало примером для студентов на испанских кампусах и за их пределами. Такие кампании, поддержанные обществом, сыграют ключевую роль в создании университетов, которые заслуживают будущие поколения. ■

Корреспонденцию присылайте Ане Виду на адрес ana.vidu@ub.edu и Тинке Шуберт на адрес tschubert@ub.edu

¹ Исследования для этой статьи проводились Аной Виду во время стажировки в Беркли и Тинкой Шуберт во время посещения Университета города Нью-Йорк.

> Третий путь «Мондрагона»

Ответ на статью Шаррин Касмир

Игнасио Санта Крус Айо, Автономный университет Барселоны, Испания,
Эва Алонсо, Барселонский университет, Испания

Настенная роспись в городе Мондрагон.
Фото Кристиана Вебера.

ментарии, включая статью Касмир, стремятся показать, что «Мондрагон» выродился в стандартную капиталистическую фирму с прекарными условиями труда. Такая критика, как правило, фокусируется на двух аспектах: увеличение числа временных работников и выход на международные рынки дочерних компаний, не входящих в сам кооператив. В настоящей статье мы представляем некоторые данные, демонстрирующие, что сотрудники «Мондрагона» не поступают принципами кооперативного движения, но, напротив, воспринимают новые вызовы как возможности для совершенствования существующей модели. В своем исследовании мы обозначаем третий путь развития – создание новой некапиталистической конкурентоспособной модели кооперации.

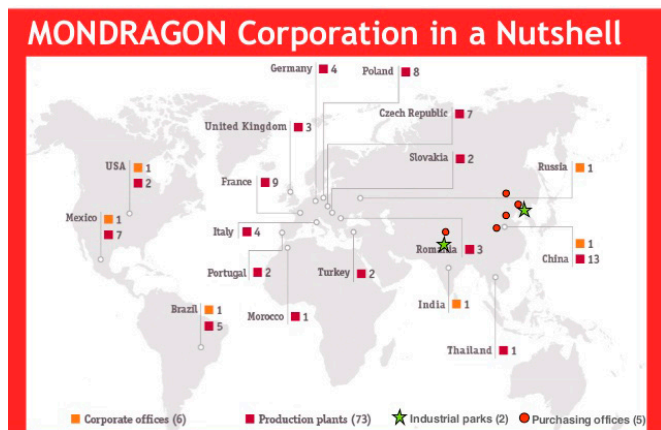
Более 60 лет главной целью корпорации «Мондрагон» является создание качественных постоянных рабочих мест. Согласно отчёту за 2014 год, «Мондрагон» в настоящий момент является группой, состоящей из 263 организаций, в числе которых 103 кооператива и 125 производственных дочерних компаний. В целом компания обеспечивает 74 117 рабочих мест. На протяжении всей своей истории «Мондрагон» обеспечивает надёжное трудоустройство даже во времена экономических рецессий; насколько возможно, все рабочие места организуются на постоянной основе. Сегодня большинство рабочих мест, не связанных с кооперативом, сосредоточены в трех секторах: в секторе распределения продукции, испанских и международных дочерних предприятиях.

«Мондрагон» использует три стратегии превращения временных рабочих мест в постоянные. Для отдела распределения «Мондрагона» используется программа EMES (*Estatuto Marco de la Estructura Societaria*, «Основной Устав кооперативной структуры»). «Эроски», группа распределения продукции корпорации «Мондрагон», приобрела другую сеть реализации («Капрабо»), а затем произвела слияние сетей супермаркетов обеих групп. В 2009 году Генеральная ассамблея группы «Эроски» одобрила программу EMES, что дало всем работникам возможность стать партнёрами в рабочих кооперативах. Несмотря на то, что программа всё ещё в силе, кооператив «Эроски» оказался в непростой ситуации, потерпел огромные убытки и в данный момент про-

>>>

Мы, учёные, проводящие исследования кооперативов, благодарим «Глобальный диалог» за открытие дискуссии об этих организациях и за то, что нам позволили ответить на статью Шаррин Касмир, посвященную кооперативам корпорации «Мондрагон», опубликованную в «Глобальном диалоге» № 6.1 (март 2016).

Критики кооперативных объединений, таких как знаменитая испанская Мондрагонская кооперативная корпорация, часто утверждают, что «при столкновении с конкуренцией кооперативы либо превращаются в капиталистические фирмы, либо идут ко дну». Учитывая, что «Мондрагон» совершенно точно не идёт ко дну, многие критические ком-

Глобальные связи кооператива «Мондрагон».

ходит внутреннюю реструктуризацию с целью сокращения и рефинансирования накопившейся задолженности. Это не самое лучшее время, чтобы приглашать новых работников вступить в кооператив.

Вторая стратегия представляет собой превращение дочерних промышленных компаний в смешанные кооперативы с возможностью вступления в члены кооператива для работников компаний. Такой вариант возможен лишь в случае жизнеспособности компаний, и лишь в том случае, если и партнеры кооперации, и работники компании согласны на постоянное членство. Такие примеры демонстрируют кооператив Maier Ferroplast Limited (основанный в 2012 г., ранее принадлежавший компании Maier Cooperative Society); кооператив Victorio Luzuriaga Usurbil; Fit Automotive (2006); а также кооператив Victorio Luzuriaga Tafalla (2008). Это обычные, далеко не единственные примеры кооперативизации промышленных компаний.

Третья стратегия касается зарубежных дочерних компаний, находящихся вне Страны Басков, которые, по словам критиков, являются доказательством вырождения кооперативной модели. Группа «Мондрагон» создаёт дочерние компании за границей, чтобы обеспечить сохранение и даже расширение занятости в родительских кооперативах. С этой точки зрения, данная стратегия успешна, так как в интернационализированных кооперативах появляется больше рабочих мест, чем в тех, которые предпочли не расширяться. Вопреки заявлениям некоторых критиков, данные показывают растущую долю работников-членов кооперативов. Согласно информации Л. Альтуны (2008), в 2007 году члены кооперативов составляли 29,5% работников, а к 2012 году число членов кооперативов составляло примерно 40,3% от общего числа занятых.

В 2003 г. Восьмой конгресс корпорации «Мондрагон» принял решение, согласно которому главной целью группы является распространение кооперативных ценностей, поощрение равноправного участия работников (в управлении, создании капитала и распределении прибыли), применение модели корпоративного управления к зарубежным дочерним компаниям «Мондрагона». Это решение имеет под собой благие намерения, однако перед его воплощением в жизнь возникает множество препятствий. Трансформация компаний в кооперативную бизнес-модель включает пре-

одоление известных экономических, правовых, культурных и инвестиционных барьеров (Flecha, Ngai, 2015). Так, например, нормативно-правовые базы некоторых государств не признают кооперативную модель; многим работникам недостаёт экономических ресурсов для вступления в кооператив; а в некоторых компаниях работники даже не понимают самого принципа работы кооперативов. Корпоративная культура «Мондрагона» сформировалась более шестидесяти лет назад в Стране Басков и с тех пор передавалась из поколения в поколение. Перенос этой культуры в иной контекст – непростая задача. Однако на этом поприще уже имеются некоторые успехи. К примеру, Анджел Эррасти (2014) рассказывает об интеграции представителей профсоюзов в административный совет дочерней компании Fagor Electrodomésticos в Польше, что является прорывом с точки зрения участия работников в управлении компанией.

«Мондрагон» ставит множество сложных вопросов о роли кооперативов в нынешней глобальной экономике, основанной на конкуренции. Кооперативы «Мондрагона» должны работать в условиях конкуренции, так что в некоторых случаях отказ от интернационализации приведёт к риску потери возможности создавать новые рабочие места в Испании и за рубежом. Хотя кооперативные компании и являются меньшинством на рынке, а капиталистические компании устанавливают правила игры, это не значит, что существует лишь один путь выживания в мировой экономике. Группа «Мондрагон» использует новаторский подход к интернационализации. Когда за границей открываются дочерние компании, главный приоритет «Мондрагона» – сохранение рабочих мест в локальных кооперативах, а не аутсорсинг или производство за рубежом.

«Мондрагон» также успешно обеспечивает более удобные, чем в других кооперативах или капиталистических компаниях, условия труда работников. Даже критики корпорации признают этот успех: ведь широко известно, что нынешние члены кооперативов надеются, что для их потомков также будут доступны высококачественные и стабильные кооперативные рабочие места. Принцип создания стабильных и качественных рабочих мест также применяется к дочерним компаниям за рубежом. Так, Лузаррага и Иризар (2012) показывают, что, подчиняясь национальному и местному законодательству, дочерние компании «Мондрагона» всё же демонстрируют улучшение условий труда, например, более высокую зарплату и больше возможностей для повышения квалификации. Хотя кооперативное движение корпорации «Мондрагон» и не может единолично изменить динамику глобального капитализма, тем не менее оно продолжает вести историческую борьбу за лучший мир для работников и рабочих сообществ. ■

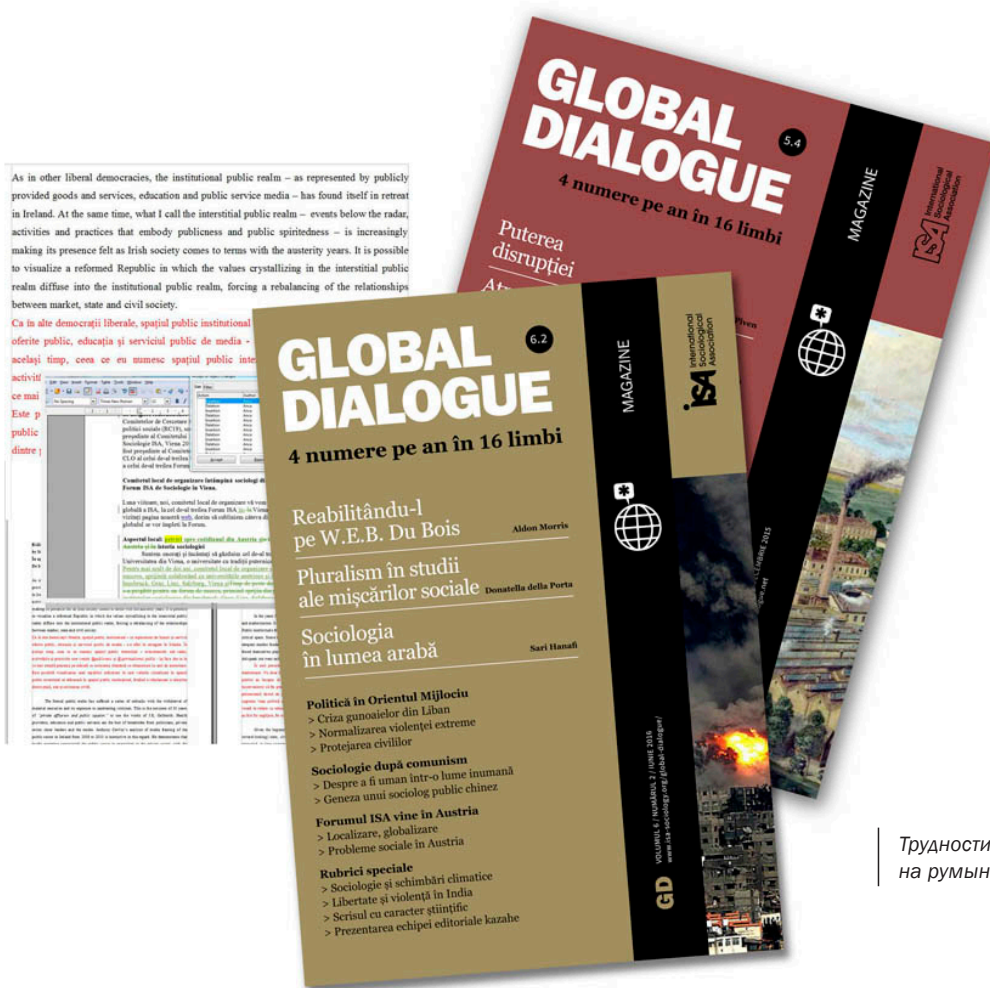
Корреспонденцию присылайте Игнасио Санта Крузу Айо на адрес lnaki.santaCruz@uab.cat и Эве Алонсо на адрес eva.alonso@ub.edu

Литература

- Altuna, L. (ред.) (2008) *La experiencia cooperativa de Mondragón, una síntesis general*. Eskoriatza: Lanki-Huhez, Mondragon Unibertsitatea.
- Errasti, A. (2014) "Tensiones y oportunidades en las multinacionales cooperativas de Mondragón: El caso Fagor Electrodomésticos, Sdad. Coop." *Revesco: Revista de Estudios Cooperativos*, 113: 30-60.
- Flecha, R., Ngai, P. (2015) "The challenge for Mondragon: Searching for the cooperative values in times of internationalization." *Organization*, 21 (5): 666-682.
- Kasim, S. (March 2016) "The Mondragon Cooperatives: Successes and Challenges." *Global Dialogue* 6.1.
- Luzarraga, J.M., Irizar, I. (2012) "La estrategia de multilocalización internacional de la Corporación Mondragón." *Ekonómia*, 79: 114-145.

> Перевод «Глобального диалога» на румынский язык

Костинел Ануца, Корина Брэгару, Анка Михай, Оана Негря, Йон Даниэль Попа, Диана Тихан,
Бухарестский университет, Румыния

Трудности перевода «Глобального диалога»
на румынский язык.

В данной статье мы расскажем, как появилась румынская команда редакции «Глобального диалога» и как организована её работа. Ниже описывается история команды и практики ее работы.

Румынская команда была образована преподавателями Бухарестского университета. Профессор Марьян Преда порекомендовал студентам принять участие в проекте

в рамках аспирантуры, а профессор Козима Ругиниш вместе с Иляной-Чинзяной Сурду помогли команде организовать работу. Иляна все время работала с нами и внесла огромный вклад в наш проект.

Как только команда получает английские версии статей «Глобального диалога», сразу рассылаются приглашения для коллег, уже состоящих в команде редакторов, и для студентов магистерской программы социологии в Буха-

>>>

рестском университете. Один из самых мощных стимулов присоединиться к команде – опыт практических навыков чтения и перевода каждой статьи. Дополнительным стимулом служит студенческое членство в МСА, которым награждают после работы над пятью выпусками журнала.

После того, как английские тексты отправляются в Dropbox, статьи в течение двух недель переводятся. Каждому участнику предлагается перевести определённый объём, обычно 4-10 страниц, в зависимости от выпуска. На третьей неделе проходит реер review, в процессе которого каждый член команды проверяет статью, переведённую другим коллегой. Английские и румынские версии статей постоянно сравниваются, что необходимо для точной передачи смысла и стиля оригинального текста. На четвёртой неделе к работе подключается новый член команды и проверяет каждую статью, обращая внимание на однородность оформления текстов (единый стиль цитирования; выбор синонимов), и наконец, вся команда проводит вычитку и редактирование румынских переводов статей.

Тем не менее, работа не всегда проходит гладко: каждому из нас нужно совершенствовать социальные навыки, терпение и умение приспосабливаться к обстоятельствам. Одна из самых трудных задач – складно и естественно передать смысл английского оригинала на румынском языке. Иногда нам приходится изобретать подходящие термины для относительно новых понятий, например, “trickle-down economy” («экономика просачивания благ сверху вниз»), встретившееся нам в одной из статей ГД № 5.4. Задача трудна из-за структурной разницы между английским (языком германской группы) и румынским (языком романской группы): ведь в этих язы-

ках нередко используются противоположные правила синтаксиса и различный порядок слов. Острые дебаты по поводу того, какое выражение или формулировку лучше использовать, помогают не только подтянуть английский, но и улучшить владение нашим родным языком. Временами мы испытываем сложности, пытаемся подобрать румынские названия для новых социологических концепций, и эти споры часто разрешаются, когда кто-нибудь представляет доказательство, что какой-либо румынский социолог уже пользуется определённым переводом английских терминов. Таким образом, задача перевода нам помогает двояко: она улучшает наши лингвистические навыки и укрепляет общее знание социологии. Ещё одна задача – уложиться в срок сдачи перевода, дискутируя на теоретические темы, особенно при условии, что все члены команды совмещают работу над «Глобальным диалогом» с учебными и профессиональными обязанностями.

Принимая во внимание широкий спектр тем, освещаемых в журнале, необходим значительный опыт взаимодействия с различными сторонами университетской и местной культуры, которые позволят присоединиться к семье «Глобального диалога». В течение всего переводческого процесса каждый член команды делится своим опытом, поэтому каждый румынский номер – плод энтузиазма, искреннего интереса и преданности делу. ■

Корреспонденцию присылайте:

Костинелу Ануце на адрес costinel.anuta@gmail.com

Корине Брэгару на адрес bragaru_corina@yahoo.com

Анке Михай на адрес [<anca.mihai07@gmail.com](mailto:anca.mihai07@gmail.com)

Оане Негре на адрес ana.elena.negrea@gmail.com

Йону Даниэлю Попе на адрес iondanielpopa@yahoo.com

Диане Тихан на адрес tihandiana@yahoo.com